

РОЖДЕСТВО С ВЛАДЫКОЙ ЛАВРОМ

Беседа с Митрополитом Лавром (Шкурла)

Пятым первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей

Беседа является частью документального фильма

«РОЖДЕСТВО С ВЛАДЫКОЙ ЛАВРОМ», снятого 7 января 2004 года

Автор фильма и очерка – независимый кинорежиссёр Мария Решетникова

Все публикуемые фотографии являются стоп-кадрами из видеозаписи фильма Марии Решетниковой "Рождество с Владыкой Лавром" и защищены авторским правом.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА (КАПРАЛА)

Шестого первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ)

Распечатка с видеопленки 2018 года Вступительного слова Митрополита Илариона к фильму о Митрополите Лавре:

«Блаженнопочивший Митрополит Лавр был пятым Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей. С младенчества и с юности он был при церкви в своей родной Словакии при монастыре в Ладомирово, где он поступил в братство, и вместе с которым переехал в Америку, присоединившись к небольшой братии Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле. Здесь Владыка Лавр подвизался на разных послушаниях: он преподавал в семинарии, работал в монастырской канцелярии, и в 1967 году он был хиротонисан Епископом Манхэттенским, Викарием блаженнопочившего Митрополита Филарета.

Много лет Владыка Лавр был на посту Секретаря Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви. В 2001 году Архиепископ Лавр был избран Первоиерархом Русской Зарубежной Церкви после ухода на покой Митрополита Виталия.

Богу угодно было, чтобы Владыка Лавр и блаженнопочивший Патриарх Алексей Второй были теми Архиереями, которые совершили великое и святое дело: воссоединение двух частей Русской Православной Церкви. Они вместе со всеми Архиереями русской церкви в 2007 году подписали Акт о воссоединении. Почти год спустя, в 2008 году, Владыка Лавр почил о Господе, после многих монашеских и архипастырских подвигов и болезней... Вскоре после него почил и Святейший Патриарх Алексей Второй.

Мы очень чтим память Митрополита Лавра и благодарим Господа, что Он послал нам такого достойного, любвеобильного, мудрого, доброго Архипастыря как Митрополит Лавр, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви. Всегда поминаем его в наших молитвах!"

Из воспоминаний Митрополита Илариона, записанных мною в 2014 году:

«На меня Свято-Троицкий монастырь очень сильно повлиял. В моё время там было много духовных людей, начиная с архиепископа Аверкия, замечательного проповедника. Ещё были живы многие старые монахи, такие, как основатель монастыря о. Пантелеймон, отличавшийся своим трудолюбием и простотой, подвижник архимандрит Иосиф, который был очень строг с монахами, учил нас, семинаристов, церковному пению.

В самые первые годы моего обучения в семинарии (1967-1972 годы) в Джорданвилле было три архиерея, с которыми потом были связаны многие годы моей жизни: я стал митрополитом после Владыки Лавра, принял Австралийскую Епархию после Владыки Павла и хорошо знал Владыку Константина.

К моменту окончания семинарии в Джорданвилле я уже был сильно привязан к монастырю. Вместе с другими молодыми выпускниками семинарии я стал сначала послушником, а потом принял постриг.

После кончины Владыки Аверкия настоятелем Свято-Троицкого монастыря был назначен Владыка Лавр. Он сразу вызвал меня и сказал: «Завтра будем тебя рукополагать во священники». В 1976 году, на Лазареву субботу, он рукоположил меня в иеромонахи в Свято-Троицком монастыре.

Когда Владыка Лавр стал настоятелем, и мы лучше узнали его, то очень его полюбили за его монашеское усердие: он всегда рано вставал, первый приходил в храм и всё делал с постоянством, кротостью и смирением. По-доброму относился ко всем! Это было очень важно для братии. Мы все его уважали и почитали. Благодаря этим личным качествам он имел возможность быть избранным Митрополитом после Митрополита Виталия.»

БЕСЕДА С МИТРОПОЛИТОМ ЛАВРОМ (ШКУРЛА)

Пятым первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей

Беседа является частью документального фильма

«РОЖДЕСТВО С ВЛАДЫКОЙ ЛАВРОМ», снятого 7 января 2004 года

Автор фильма и очерка – независимый кинорежиссёр Мария Решетникова

Редактор матушка Елизавета Темидис

ПРОЛОГ

Двухчасовое интервью с Митрополитом Лавром (Шкурла) было записано мною на видеоплёнку в январе 2004 года, в рамках работы над кинопроектом о судьбах разных представителей Белой эмиграции.

Зарубежная православная община воистину богата удивительными людьми. Многие священники и миряне Русской Православной Церкви Заграницей оставили неизгладимый след в мировой истории.

За 18 лет съёмок в Европе и Америке мне посчастливилось записать рассказы более 250 человек.

Три рождественских дня, проведённые в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле в штате Нью-Йорк, и двухчасовая беседа с Митрополитом Лавром, в те годы – Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей, – стали самой яркой страницей в этой многочасовой кинолетописи. Меня поразила судьба этого сильного и очень добросердечного человека, сложная и в чём-то даже трагичная его жизнь. Владыке Лавру выпало пройти крутые дороги войны и пережить разлуку с Родиной,

оказаться на чужбине против своей воли и под конец жизни увидеть воскресение православия в России.

Наш разговор состоялся за три года до исторического воссоединения Русской Православной Церкви Заграницей и Московской Патриархии. Владыка Лавр возглавил этот многотрудный процесс и довёл его до конца. Во второй части нашей беседы, записанной в 2004 году, мы касаемся темы воссоединения, но сначала Владыка вспоминает о детстве, о том, как всё начиналось.

Митрополит Лавр (Шкурла) стал пятым Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей в октябре 2001 года. Он начал свой жизненный путь практически сиротой, в маленьком карпаторосском селе Ладомирово, куда в 1920-х годах наперекор всем запретам местной власти возвращается православная вера. Бежавшие от коммунистического террора монахи Почаевского братства возводят свой монастырь в словацком селе, налаживают книгопечатное дело, коим издревле славилась их обитель.

В 1934 году Господь приводит в братство оставшегося без мамы 12-летнего Васю Шкурла, жившего в этом же селе, и с этого момента судьбы печатного братства преподобного Иова Почаевского и будущего Митрополита Лавра сливаются в одно целое. Вместе они переживают разлуку с родной землёй, проходят дороги войны и, оказавшись на чужбине, в Америке, воссоздают главную многовековую миссию Почаевского братства: книгоиздательство и просвещение. Богослужебные книги, писания святых отцов, духовная, историческая и мемуарная литература, журналы о духовной жизни русского православного зарубежья будут разлетаться по всему

православному миру многотысячными тиражами. Но особенно всегда ждали их в Советском Союзе, где подчас даже в действующих храмах не хватало духовной литературы.

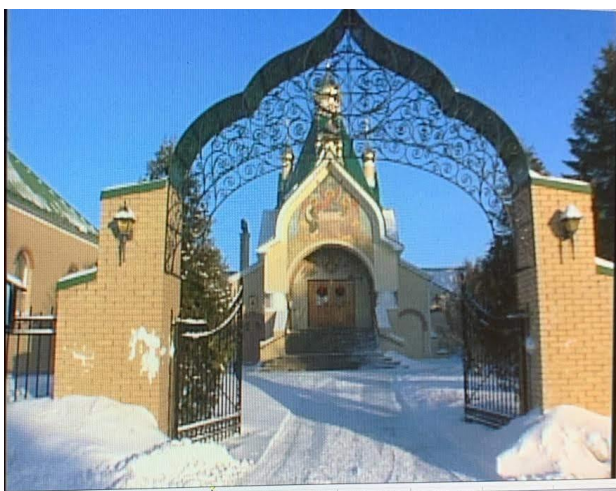
Вскоре в монастыре открывается семинария, растёт монашеское братство, в котором оставляют свой незабываемый след десятки подвижников русского зарубежья. Но именно ему, Владыке Лавру, некогда деревенскому мальчику из бедного карпаторосского села, Господь уготовит великую историческую миссию: возглавить Русскую Православную Церковь Заграницей и её воссоединение с Московской Патриархией в 2007 году. Литургическое общение православных людей, прерванное атеистическим режимом почти на целое столетие, – было восстановлено.

«... Больше всего берегитесь ссор, прощайте друг другу, когда обижены,» – писал святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский, ссылаясь на Священное Писание. – «Помните: кто ссорится – тешит дьявола; который мирит других – помогает Христу и будет принят в Небесном Царстве как сын Божий (Мф 5, 9).»

Слова эти в полной мере можно отнести к Митрополиту Лавру, отдавшему столько своих душевных сил на воссоединение Церквей.

Мой документальный фильм и эта печатная версия интервью – скромная лепта в почитание светлой памяти Владыки Лавра.

ПУТЬ В ДЖОРДАНВИЛЛЬ

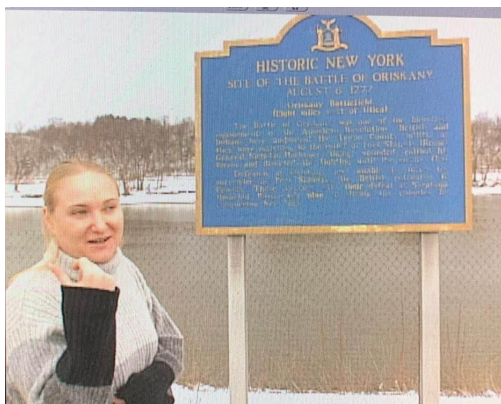
Заранее получив благословение Владыки Лавра на мой визит в монастырь, я приехала в Джорданвилль вместе с кинооператором в самый Рождественский сочельник!

По дороге в Свято-Троицкий монастырь, расположенный рядом с городком Джорданвилль, в пяти часах езды от

Манхэттена в сторону Канады, мы проезжали места не только исторические, но и символические по своему значению для Америки: здесь, недалеко от городка Ютика проходили первые бои в годы Американской революции. Остановив машину, мы даже сняли на плёнку мемориальную доску, гласившую, что проходившие здесь бои Оризаскани были самыми кровавыми в истории Американской революции.

В августе 1777 года здесь воевал небольшой отряд ополченцев – жителей американских колоний Англии за свою независимость от Британской империи. Несмотря на большие потери, американцы выиграли сражение и сорвали разработанный англичанами план вторжения в Нью-Йорк с целью отрезать Новую Англию от остальных мятежных колоний.

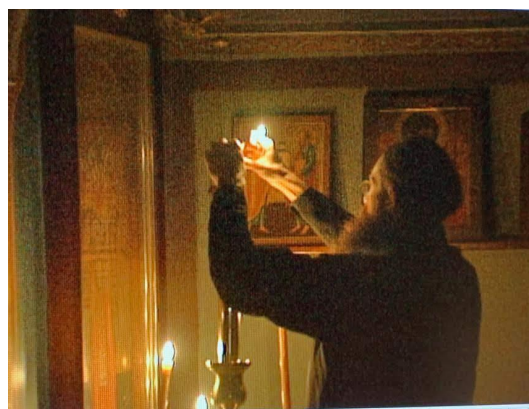
Североамериканским патриотам впервые удалось одержать крупную победу над королевской армией.

"Все революции кровавы и уносят человеческие жизни," подумалось мне, когда мы проезжали эти места бывших американских революционных батальи. Знаю, что у Господа ничего не бывает случайно, и всё же удивительно, что дорога моей киноэкспедиции, посвящённой большевистской революции в России и её последствиям,

проходила через маршрут, окроплённый кровью американских революционеров два столетия назад. Вдруг неожиданно, как спецэффект в голливудском кино, за окном машины громадными хлопьями посыпался январский снег. Словно ниоткуда началась снежная буря, и мы вынуждены были остановить машину на обочине дороги, чтобы переждать это полнейшее белое затмение. Всё вокруг замело так, что дороги совсем не было видно в лобовое стекло нашего мини-автобуса.

...Я долго готовилась к этой встрече и очень волновалась, что она не состоится. К счастью, Промысел Божий помог мне попасть в Джорданвилль вовремя, и я успела снять много интересных и важных мест этого легендарного исторического монастыря.

Вечером 6 января 2004 года мы установили камеру на балконе Троицкого храма и оказавшись почти под куполом смогли запечатлеть всё великолепие праздничного богослужения в Сочельник Рождества Христова. Лики святых и волшебная по своей красоте роспись легендарного иконописца Джорданвилля отца Киприана, украшающая стены собора, особенно торжественно выглядели в свете рождественских свечей. Владыка Лавр возглавлял богослужение, сопровождаемое хором семинаристов и братии. Служба закончилась ближе к полуночи, а рано утром 7 января Свято-Троицкий храм был уже переполнен православными, которые, живя в Америке, продолжают хранить исконные традиции. На светлый праздник Рождества Христова приехали семьями: мамы в праздничных платьях, отцы семейств в строгих костюмах, дети

в русских традиционных нарядах...

После колокольного звона все были приглашены на рождественскую трапезу.

Несмотря на свою огромную занятость и усталость от многочасовых богослужений и приёмов гостей в те далёкие рождественские дни 2004 года, Владыка Лавр нашёл время на подробную беседу и подарил православным зрителям будущих поколений бесценные воспоминания об исторических событиях.

Благословение Владыки Лавра на съёмку нашего фильма позволило мне запечатлеть разностороннюю и многообразную жизнь монастыря и передать атмосферу тех лет, когда сам Владыка Лавр жил и служил в Джорданвилле: яркую, наполненную событиями и ожиданием новых волнительных перемен постсоветского времени.

Благодаря этим редким кадрам зрители увидят то, что играло важную роль в духовной, научной и образовательной миссии Джорданвилля: огромную коллекцию исторического архива и богатейшую библиотеку, сохранившие важнейшие свидетельства о жизни Белой эмиграции; бесценные экспонаты исторического музея монастыря, в который можно было попасть только с

благословения; в сокровищницах музея находились бесчисленные медали и наградные кресты офицеров Царской Армии, личные вещи, принадлежавшие Царским мученикам, древние иконы, старинные картины, многовековая церковная утварь и облачения священства столетней давности и конечно же легендарная типография монастыря, в которой больше полувека печатались книги, журналы и даже цветные иконы для православных всего мира – и всё это руками братьев Джорданвилля, включая и самого Владыку Лавра, бывшего бессменным редактором многих православных журналов и имевшего многолетний опыт работы на печатном станке, с самого раннего детства помогавшего печатному братству преподобного Иова Почаевского в выпуске религиозной литературы ещё в годы его жительство в селе Ладомирово.

Трудно поверить, но факт, что вся эта многообразная литература долгое время издавалась лишь на одном печатном станке... Сегодня на месте бывшей типографии трапезная, и многие книги и журналы монастыря теперь можно найти на интернете и в книжных магазинах по всему миру. Братия

продолжает издавать книги, которые, как правило, печатаются в России.

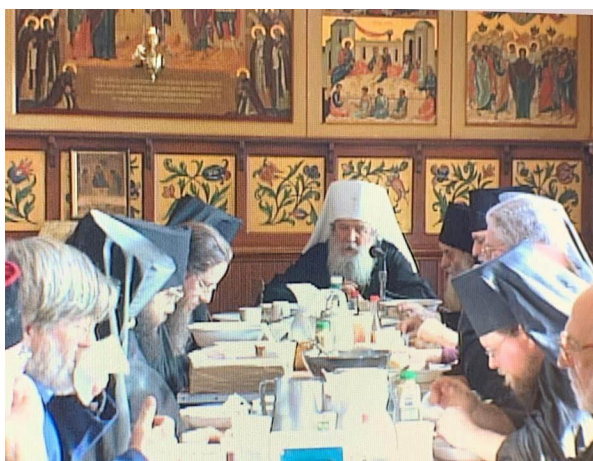
Прошло много лет после тех съёмок в Джорданвилле, оттого ещё ценнее выглядят сегодня кадры уже далёкого

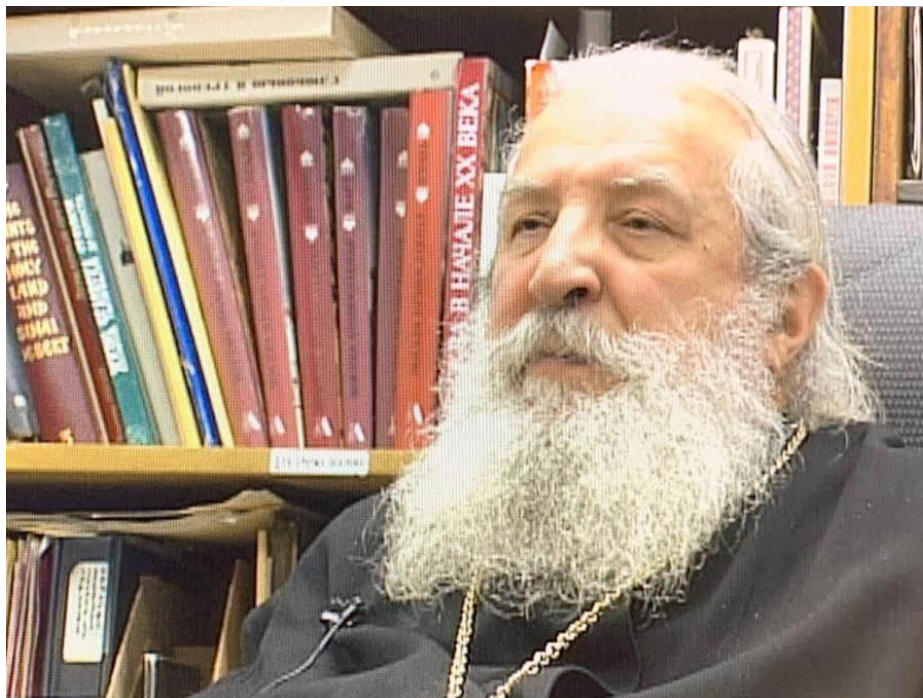

2004 года, где у печатного станка, рядом с рождественской ёлкой стоит весёлый и тогда ещё молодой – всего 86 лет! – монастырский «блаженный» Лёвушка, а вокруг на типографских стенах и на самом станке – фотографии тех, кто здесь нёс послушание. Братья монахи, днями и ночами работавшие здесь, хранили воспоминания о своих учителях и предшественниках, передавших им в наследие главную миссию Почаевского братства – утверждение православия, печатное дело и просвещение, которое они несут через столетия, несмотря на войны и гонения, с 13-го века!

Здесь, в Джорданвилле, забываешь, что наша Родина находится на другом конце земного шара... Окунуться в праздничную атмосферу зрителю поможет и сама природа вокруг монастыря. Зима в этих краях с крепким морозом. Белоснежным покрывалом укрыло всё вокруг в эти Рождественские дни. Настоящее волшебство! Мы заглянем в дом к семинаристам, посмотрим где и как живут те, кто готовятся стать священниками, увидим на чём готовят есть послушники монастыря и как пекут хлеб в настоящей русской печи, а также узнаем что подавали на рождественский обед в Джорданвилле в 2004 году и какие наказания выпадали тогда семинаристам за разговоры на английском языке. Узнаем по секрету что такое "семинарский телевизор", и как в общежитии будят тех, кто проспал утреннюю молитву...

Джорданвилль. 7 января. 3 часа дня. Типография монастыря.

Во время беседы, помимо оператора и меня, в типографии были семинаристы и послушники, многие из которых выросли при Владыке Лавре и конечно с интересом слушали рассказы своего аввы.

Легендарный Лёвушка, трогательное большое дитя Джорданвилля, тоже пришёл послушать рассказ своего старого друга детства. Многие из того, что Владыка рассказывал, Лев Иванович хорошо знал.

Беседа в типографии монастыря продлилась около двух часов. За это время Владыка Лавр в подробностях рассказал о своём детстве в Словакии и о переезде туда печатного братства преподобного Иова Почаевского, ставшего для него настоящей приёмной семьёй. Владыка поведал нам о трагической участи православных народов, столетиями живших под гнётом католических униатов, также поделился бесценными воспоминаниями о многих исторических событиях, свидетелем которых он стал.

Во второй части беседы мы имели честь услышать мнение Владыки Лавра о тогда ещё только готовящемся историческом воссоединении Зарубежной церкви и Московского Патриархата после почти векового разделения.

Пройдя к книжным полкам в самом конце большой типографской комнаты, Владыка Лавр сел в кресло у письменного стола и, весело посмотрев на оператора, спросил:

– А что ты, раб Божий, откуда ты?

– С Одессы.

– А... Одесса-мама!

Я подхожу к Владыке, чтобы подготовить его к записи беседы на видеокамеру:

– Позвольте, я микрофон на Вас надену? Владыка Лавр показывает на батарейку:

– А это что такое?

Я поясняю:

– Чтобы звук лучше был.

– А то вы меня протейпúете* (запишете на плёнку – прим. редактора), неизвестно что там потом будете вытворять, – смеётся Владыка Лавр. – Так... Чем я могу Вам помочь?

– Владыка Лавр, знаю, что Вы очень заняты. Я хочу Вас поблагодарить за интервью и напомнить, что меня к Вам подвели в Ново-Дивеево (Ново-Дивеевский Успенский монастырь в г. Нануэт, штат Нью-Йорк, США – прим. редактора), на столетии св. Серафима

Саровского, и я передала Вам кассету и письмо.

– Да, я помню, я помню.

– Было у Вас время посмотреть?

– Фильм я не смотрел, а брошюры и иконки я посмотрел. Кое-что послал в Россию. Из России просят иконки; много иконочек посылаю в Россию просящим.

– Этот фильм посвящён всему поколению русских, которые были практически выдворены из страны после революции 1917 года: врангелевские офицеры, кадеты, казаки, священнослужители, их потомки и так далее. Всех наших героев, в том числе и Вас, всегда просим рассказать о своей жизни. У нас с Вами намного меньше времени, чем обычно. Расскажите о том, как Ваша семья попала в эмиграцию. Я знаю, что Вы из югославской эмиграции. Немножко об отце, о семье, о своей судьбе.

– Сейчас я Вас поправлю.

– Поправьте, конечно.

– Пока не записывай, раб Божий, –
обращается Владыка к оператору.
Оператор не выключал камеру, Владыка
Лавр это знал и продолжал
рассказывать:

– Во-первых я если и с эмиграции, мои
предки – с «эмиграции» ещё
Владимира...

Владыка на секунду отвлекается на то,
чтобы помочь дать стул оператору:

– Вот, смотри, возьми там.

– Почему ему нельзя это записывать?

– Да нет, я пока маленько объясню... –

Думаю, что Владыка Лавр благородно
пощадил мою безграмотность.

– Вот, возьми стул, любой...

Владыка опять обращается к оператору,
беспокоясь, что тот продолжает стоять
за камерой.

Удостоверившись, что оператор
наконец-то сидит на стуле, Владыка
продолжает свой рассказ:

– Я не эмигрант и не из старой
эмиграции. Я – карпаторосс.
Урождённый. Родился на Карпатах;
самая древняя славянская ветвь,
Калабидо* славянство. [здесь и далее

звёздочкой помечены свойственные
Владыке Лавру речевые обороты – прим.
редактора]. Мои предки там жили
столетиями, наверно с
Владимиро-Волынского княжества,
может быть даже с Владимира Святого –
с тех времён, в точности я не помню.
Владимиро-Волынское княжество было
велико там, в этой части Западной Руси,
туда всё это входило... и лемковщина. У
нас был ещё такой князь Лабóрец, и
город есть Лабóрец... Это древняя
история, я просто вспоминаю. Детали
точно я не помню, годы сейчас вам не
расскажу, надо посмотреть где-то. Я сам
– карпаторосс... Если хотите записывать
– можете.

– Да, записываем, – говорю я, так как к
счастью мы и не переставали
записывать.

– Я по происхождению карпаторосс.
Родился в Ладомирове на Карпатах,
около города Свидника. Рядом Пряшев –
это город большой, в шестидесяти
километрах. Там моя родина, там мои
предки родились и жили.

Работая над текстом, я увидела, что
согласно современным картам,
расстояние между городами Пряшев и
Свидник действительно составляет

около 60 км. Эта вроде бы незначительная деталь свидетельствует о необычайной памяти Владыки и внимании даже к таким казалось бы мелочам.

– В каком году Вы родились?

– Я родился в 1928 году, 1 января. Только что мне исполнилось 76 лет.

– С Днём рождения!

– Я новостильник по рождению, а по вере православной я – старостильник, после моего связанья* с монастырём. Во время Первой мировой войны и после, когда в России была революция, – Россия была разорена. А эта часть Карпатской Руси находилась несколько столетий сначала под Австрией, а потом под Австро-Венгрией в последнее время. Все карпатороссы жили надеждой, что когда-то придёт Россия, освободит русский народ.

В 1840 году, когда было восстание в Австрии, венгры восстали. К сожалению, – это мы так считаем, конечно, что «к сожалению», монархисты, может, так все не считают, – но Россия при Николае Первом послала свои войска и подавила это восстание. И таким образом, люди, которые протестовали против ига

австрийского, – а в это время и в Венгрии начались волнения, – но Австрия опять продолжала подавлять славян, русский народ, карпатороссов, сербов, там в это время были ещё и другие народности – лёмки, Молдавия, частично Польша и так далее. Все ждали какого-то избавления, какой-то перемены. Наступила Первая мировая война. Ждали, что вот придут русские. Русские пришли в те края, и начали они освобождать эти края и завоёвывать их, но потом, волею Божьей конечно, это не осуществилось: Россия там не осталась.

В конце концов, Россия Мировую войну почти что выиграла, но «благодаря» тому, что всё Европейское сообщество было против России, в России в конце коцов всё рухнуло, устроили в России революцию. И вот эта революция развалила всё, и эмигранты пошли в разные страны, в том числе, после Первой мировой войны, пришли в нашу Карпатскую Русь. Карпаты оказались под Чехословакией. Там была Чехия, Словакия, Подкарпатская Русь. Но Подкарпатская Русь получить какую-то автономию не смогла, но народ продолжал волноваться, переживали уже начиная с Первой мировой войны... Немножко передышку можно?

Владыка Лавр обращается к оператору, и мы приостанавливаем интервью, но камера продолжает снимать. Владыка обращается ко мне, думаю, беспокоясь об обширности преподанного мне исторического урока:

– Много это?

Очевидно, что мне не «много», и довольная возможностью и далее расспрашивать Владыку, я продолжаю:

– Упомяните, в какой ситуации непосредственно оказалась Ваша семья?

Сдерживая моё молодое любопытство и рвение, Владыка успокаивает меня:

– Я сейчас всё скажу...

Входит человек в подряснике, и Владыка Лавр обращается к нему:

– Ты хочешь послушать?... – и поясняет:
– Это мой крестник. Я его крестил. Очень давно, не помню в каком году.

«Крестник» Владыки Лавра улыбается:

– В 1961 году.

Владыка Лавр:

– Ой, давно было дело.

– Вы были новым игуменом, мне сказали...

– Может быть, может быть... – сказал Владыка, и сам прервав объявленную им «передышку», продолжал рассказывать.

– Так вот, Первая мировая война окончилась так, что Австро-Венгрия была разделена, но всё-таки осталась существовать. Венгрия стала полноправным государством, и ещё Чехословакия и Карпатская Русь. Мои родители оказались там, на Карпатской Руси.

В это время, и даже раньше, во время Первой мировой войны, было довольно сильное движение на Карпатах за то, чтобы вернуться в православную веру. Весь этот край, где я родился, был под унией. Унииаты – это восточный православный обряд. Ритуал православный, но иерархия, епископ, священники, духовенство – связаны с Римом. Поэтому и называется уния. Это целая история: Брестская уния, Карпаторусская уния.

Во время Первой мировой войны было сильное движение за то, чтобы вернуться к корням, как говорят сейчас в России, – к православию. В 1600-х годах, 1700-х годах ещё в наших краях было православие, деревни были православные, священники были православные, а тут раз архиереев, епископов православных не стало, то постепенно духовенство начало вымирать. Так духовенство и все с ними постепенно автоматически перешли под унию под Австро-Венгрией.

И вот появились во время войны такие русофилы, которые были за Россию, говорили, шептались, а австро-венгерские жандармы следили и таких арестовывали. В первую очередь, они преследовали и потом казнили до 97-ми человек лемкóвских священников в наших краях, но священников униатских! – за то, что они были русофилы. Они служили по русскому, восточному обряду, поминали папу, Рим, а за то, что они как будто – а «как будто» не было доказано – сочувствовали России, ждали Россию, что во время Первой мировой войны Россия придёт и они присоединятся к России, – за это их казнили. Вешали на телефонных столбах вдоль дороги. Казнили своих!

При этих словах Владыка Лавр поднял руку вверх, и я впервые услышала волнение в его голосе.

– Всяких русских деятелей тоже преследовали и многих казнили. Но так или иначе зародилось такое движение. И к 1924-му году в моём селе, где я родился, Ладомирове на Карпатах, в Прешовской области, забастовали и отказались от священника униатского – говорят, мы хотим православного.

– И Ваши родители таких же настроений были?

– Мои родители позже родились, а мой дед – да. Мои отец и мать родились униатами, я уже православный.

– Они были тех же настроений возвращения к корням?

– О, да, да. Они тоже были такого же настроения, конечно. И ждали, ждали русских, думали, что придут русские, те, которые были... но я немножко позже этого вопроса коснусь...

Так что получилось такое вот настроение. В это время в нашей деревне священника этого униатского погнали. Тётушки взяли и вывели его

насильно с храма, забросали его сырыми яйцами – ты иди куда хочешь, нам не нужен такой, – и они остались без священника. В это время, некоторые крестьяне такие были деятельные и обратились к Православной Сербской церкви с тем, что нам нужен священник. Пожалуйста, дайте нам священника, который говорит и понимает и по-русски, и по-карпаторусски. Карпаторусский язык – это в общем-то своего рода язык малорусский, не совсем украинский. В украинском была уже масса разных искусственных слов, а карпаторусский язык – более простой, чистый, в нём смесь языков – и польский, и словацкий, и русский, и корни славянские...

– А можно вопрос... простите мою малограмотность, вы упомянули лёмки – это какая группа? И гуцúлы?

– Это тоже рядом: и гуцúлы, и лёмки, там есть разные названия, сплошь до Молдавии. Называли это жупы, или даже области такие небольшие государственные, или округá. Они разные, говор немножко меняется. Скажем, мы называем картошку “бандурка”, а они называют “барабуля”, другие называют “помдетёре”... – Владыка Лавр улыбается. – Или даже

нет, “помдетёре” – это картошка по-французски.

– То есть когда считают гуцулов как бы производной от украинцев, это неверно?

– Это всё один народ, только в разных частях, в разных соседствах жили, под разными немножко влияниями были, а все мы братья, все мы сёстры – славяне. Так что мы так на это смотрим. Я должен сейчас оговориться, даже может кому-то не понравится, кто будет слушать: наши карпатороссы, к сожалению – это я говорю «к сожалению», а может быть, и не к сожалению – они не любят, когда их называют украинцами. И вот когда их к нам присоединили, то есть Карпатскую Русь к Украине, то они говорят: мы не украинцы, мы карпатороссы, Закарпатская Русь, – вот так они хотят, чтобы их называли. Это настроение такое, общее.

– Интересно!

– Ну вот, деревня оказалась без священника, и обратились к власти сербской, потому что эта церковная территория при Австро-Венгрии принадлежала и подчинена была в церковном отношении Патриарху

Сербской Церкви, и все православные должны были подчиняться ему. Ну и в Сербии в это время оказался о. Виталий, наш Владыка архиепископ Виталий (Максименко). Не этот Виталий Владыка Митрополит, который сейчас был предомной [Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей, Митрополит Виталий (Устинов) – *прим. редактора*] – он болеет сейчас, а другой Владыка Виталий, который в этом монастыре, здесь, в Джорданвилле, много приложил стараний, чтобы этот монастырь существовал.

Он начал монастырь там, на Карпатах, в Ладомировой, будучи архимандритом. Его послали оттуда, из Белграда из Сербии, и он начал в деревне Ладомировой миссию православную, которая потом перешла в братство преподобного Иова Почаевского. Это было братство типографское, печатное – это то, что мы сейчас и здесь продолжаем, – и в то же время миссионерское, для распространения православия среди карпатороссов. О. Виталий этим занялся. Начали приходить к нему люди, и братство это понемножку начало возрастать. В 1925 году уже начали печатать.

Совсем примитивные условия были в 1926-27 годах.

В 1928 построили храм в деревне там и освятили. Собрались люди и начали издавать газету, называлась «Православная Карпатская Русь». Сейчас это просто «Православная Русь» для всех русских, мы её переименовали. Мы здесь её продолжаем; уже 80 лет этой газете.

– В 1928 году это происходило?

– Да, я только родился, 1 января.

– А что, большевистской власти ещё не было, такой, как в России?

– Большевистская власть только в 1948 году родилась на свет у нас, после Второй мировой войны. А в то время была Чешско-Словацкая* Республика – так они сами называли и гордились этим достижением. Но чехи, конечно, относились не ахти к карпатороссам. Должна была быть как в Советах республика, так тут было три части: чехи, словаки и русины. Но русины, мол, простые, малограмотные, – так, значит, на задворках...

При этих словах Владыка Лавр жестом показал, что так воспринимались русины в то время – «на задворках».

– А как карпатороссами воспринимались эти жуткие перемены, которые происходили в Российской Империи в то время? Я имею в виду революцию. Как это воспринималось?

– В это время карпатороссы, конечно, мало знали. И вообще за границей мало знали что в России происходит. Только что-то еле-еле проникало, особенно в 1920-30-х годах. У нас очень слабая, противоречивая информация была... Думаю, что я вас замучаю моими рассказами.

– Нет, абсолютно никак не замучаете... Если Вы только сами себя не замучаете!

– Так, но дóбре... Дайте я сейчас немножко подумаю, на чём остановился.

– Вы остановились на том, что для возрождения православия был прислан о. Виталий.

– Да, о. Виталий начал эту миссию, и миссия начала постепенно действовать. Если даже все подробности рассказать, я просто не вспомню сейчас, да и не

пойдёт гладко. Просто трудно себе представить, в каком убожестве это всё было и началось. Несмотря на это люди приходили, некоторые не выдерживали – уходили, другие оставались, и миссия начала действовать, укрепляться. Миссионерская школа была, духовенство, учеников готовили, деятелей, потом посвящали в священники, и эти люди начинали распространять православие. Вопросы о православии после Второй мировой войны коснёмся через несколько минут...

Так что это дело так и начало расти. Повторяю, была страшная беднота и трудности. Помощь этому делу оказали некоторые карпатороссы, живущие здесь, в Соединённых Штатах. Многие карпатороссы имели своих родственников здесь, так как семьи ещё до Первой мировой войны, в начале XX столетия и даже раньше, уезжали из Австро-Венгрии на заработки в другие страны, главным образом в Соединённые Штаты. Мой дед по матери и бабушка были одно время тут, в Америке, потом вернулись обратно, и дома уже умерли. Три сестры моего отца и брат здесь были, в Америке; брат вернулся домой и

там он скончался, а сёстры и их семьи здесь. И так было со многими. Так что сюда ехали, и отсюда удавалось немножко собирать помощь и туда присылать.

И вот отцу архимандриту Виталию таким образом помогали. Он там укрепился и раздавал много книг и брошюр чисто уже церковного характера и на-ци-о-наль-но-го! – чисто русского национального характера.

Владыка Лавр отчётливо произнёс слово «национального» по слогам. Очевидно, это было очень важно для него, что карпатороссы возвращались к своим национальным и религиозным корням.

– Примитивным способом работали. Я не знаю насколько Вы знакомы с издательскими делами, но например, я вам расскажу. Типография там, на Карпатах – какая была типография у нас, у о. Виталия? И вообще в то время такие типографии были там и в других местах.

Владыка Лавр берёт в руки лист бумаги и объясняет.

– Это вот, допустим, касса. Разделена она перегородками: так, так и так. Здесь

весь алфавит помещается, все буквы, каждая буква имеет своё отделение.

Таких касс полно, в зависимости от того, какое название шрифта. Шрифт, скажем, у нас был латвийский – в Латвии куплен, имеет свой рисунок, мы называли его латвийский. Был другой шрифт, жирный, знаете, да?

– Ну, я понимаю, шрифты разного стиля и размера.

– Разного стиля, да. И вот, каждую букву нужно было брать и класть в такую...

Владыка прерывается на секунду и показывает на Лёвушку, давнего друга Владыки Лавра. Лев Иванович Павлинец, хорошо знакомый многим, кто хоть раз бывал в Джорданвилле, остроумный, немного юродствующий, Лёвушка – так ласково называли его все в монастыре, – хорошо знал Владыку Лавра с юных лет, задолго до их приезда в Америку.

– Вот Лев Иванович с нами там был уже, но он не работал тогда там... И каждую букву берёшь... Вот слово «Василий»: «В», «а», «с», «и», «л», «и», «й»... и дальше так набираешь. Строчку набрал, другую строчку, третью, пятую... Десять строчек наберёшь и тогда вынимаешь это и

ставишь. И так страничка за страничкой. Это очень медленное и долгое дело. А самое скучное дело потом. Касса кончилась, это значит такого стиля шрифт кончился – весь уже у тебя набран. Значит, нужно приготовить это напечатать; напечатали, а потом это нужно разобрать! По букве обратно туда раскладывать. Самое скучное дело – и неинтересное. Руки в керосине, запах!

Владыка подносит руки к лицу, весело улыбается, жестикулируя показывает как разбирались касса, и увлечённый воспоминаниями детства, не замечает как с его ряссы падает микрофон. Пока я прикрепляю микрофон, Владыка продолжает оживлённо рассказывать.

– Сам вымазанный, голова болит от керосина... Керосин краску смывает, тогда буквы можно разъединять, иначе краска их держит. Так что вот такая была работа. Но несмотря на это, мы работали, издавали церковную литературу по мере возможности.

В то время нигде ничего не печаталось, Россия была отрезана до Второй мировой войны от всякого церковного производства. Раньше всё это в России можно было приобретать, кое-что у униатов во Львове, в Польше, но нам

неинтересно было иметь чужое, нам всё-таки хотелось своё, православное иметь. Печатали что могли и распространяли для русской эмиграции и для Карпатской Руси, которая в это время вернулась в православие. Постепенно возвращались деревня за деревней, вновь стали строить храмы, и ко Второй мировой войне там уже довольно много было православных.

– Ваш край застала Вторая мировая война?

– Вторая мировая война – сейчас расскажу как это было, и тогда коснёмся событий после Второй мировой войны, да? Но давайте немножко передохнём. А то раб Божий устал, руки заболят, – заботится опять Владыка об операторе.

Оператор:

– Ничего-ничего, я привык...

– Немножко отдохните...

И тут Владыка, разглаживая бороду, спрашивает меня:

– А Вы откуда? Из какого места?

В это время кто-то из семинаристов предлагает Владыке Лавру принести воды или соды, на что он отвечает:

– Да, принеси немножко водички или сверху принеси соды. Кока-колу я не пью, лучше какой-нибудь джинджер-эйл... – показывает рукой на нас с оператором, – и им принеси тоже.

И сразу резко возвращаясь к прерванному разговору, неожиданно спрашивает у меня:

– Вы где родились?

– Я москвичка.

– Москвичка, да? Наверно, родилась только недавно, 10-20 лет тому назад? – шутит Владыка.

Удивлённая такому комплименту, я переспрашиваю:

– Я? Нет, мне 33.

– А, ну это немножко больше... тридцать три. Да-да, это тоже не так много, конечно. Я думаю, что все помнят, как была война, как бомбы сыпались, как всё гремело над головой, как нужно было прятаться. Вы об этом, может быть,

читали или слышали, но не испытывали. Это много значит, испытать – это одно дело, а другое дело – слышать и читать об этом.

Владыка задумывается, приговаривая “дóбре-дóбре”, решая как повести беседу дальше. Затем спрашивает меня:

– Так что москвичка? А там где жили, в каком месте Москвы?

Я, крайне удивлённая знаниями московских районов Владыкой Лавром, отвечаю:

– Вообще, в Новых Черёмушках... Это новый район – Новые Черёмушки.

– Черёмушки...

Владыка Лавр заинтересовался.

Я пытаюсь вернуть разговор к его жизни:

– Но мне интереснее про Вас. Вся эта бурная деятельность...

Владыка прищурившись улыбнулся и прервал меня:

– Но мне тоже интересно про Москву, я в Москве побывал.

Я смеюсь и стараюсь вернуть разговор в прежнее русло:

– Про меня потом!... Вот вся эта бурная деятельность по восстановлению православия – она была каким-то образом приостановлена во время Второй мировой войны? Война вам помешала?

– Я думаю, что нам помешала, потому что мы должны были выехать, конечно. А почему – я расскажу. Мы должны были бросить всё и двинуться, но вот зато мы сюда попали, и вот здесь уже мы 56 лет.

– Давайте постепенно. В каком году Вы выехали?

– Сейчас я Вам расскажу. Вот принесут немножко водички.

– Прошу прощения! Хорошо, тогда давайте Вы меня сейчас спрашивайте.

Я сдаюсь и прошу оператора выключить камеру, чтобы не тратить на меня плёнку. Сейчас, спустя столько лет, я жалею об этом решении, хотелось бы услышать в записи все детали этого разговора, где Владыка Лавр расспрашивал меня о моём детстве в Советском Союзе, о моих родителях, о том, как я приехала в

Америку, как решила стать журналистом и почему заинтересовалась темой истории православия и эмиграции.

Семинарист долго ходил за напитками, и в ожидании его Владыка Лавр превратил этот вынужденный перерыв в тёплую беседу, где мои пытливые вопросы сменились его расспросами обо мне, моём поколении, моём оставленном в далёкой России доме... Владыке было интересно и важно всё. Учитывая его наблюдательность и прозорливость, я думаю, он чувствовал мою ностальгию и тоску по дому. Ностальгия – сильное, разрывающее мою душу, особенно в те годы, чувство, – двигала и направляла многие решения тогда в моей жизни, включая, конечно же, и работу над проектом об истории эмиграции и причину самого моего визита в Джорданвилль...

Я скучала по дому и искала места утешения на чужбине. Владыка Лавр увидел это, почувствовал и дал мне возможность излить ему свою душу. Владыка перевёл разговор на меня тактично, бережно... он выслушал, всё принял к сведению, и глядя на меня своим проникновенным, мудрым взглядом, сказал:

– Ну, хорошо, на чём мы остановились?

– На Второй мировой войне и каким образом Вы решили отходить и почему.

– В Ладомирове была миссия, созданная отцом Виталием, Владыкой Архиепископом, который потом был здесь, в Джорданвилле. Я повторяюсь, чтобы пояснить. Владыка Виталий – отец Виталий ещё в то время, в 1934 году – был вызван нашим церковным центром, Владыкой Митрополитом Антонием (Храповицким) в Белград и был рукоположен в епископы и послан в Соединённые Штаты.

В 1934 году Владыка приехал в Нью-Йорк и узнал, что здесь есть маленькая ячейка монашеская в Джорданвилле: архимандрит Пантелеймон, отец Яков с ним – его собрат, о. Иосиф, который присоединился чуть позже, и ещё чуть позднее – о. Павел. Они создали вот этот монастырь, купили эту ферму, потом маленький кусок земли и домик позже приобрели. Они построили домик и храмик, но это всё у них сгорело. Там дальше в монастыре сейчас белый дом на этом месте стоит.

Прямо во время записи нашей беседы в типографию, где мы расположились для разговора, вошла целая процессия из семинаристов и нескольких маленьких детей с Рождественской звездой и песнопениями: «Христос рождается, славите...» Оператор не остановил камеру и всё происходящее дальше запечатлелось на плёнке. Во время исполнения рождественских песнопений Владыка Лавр встал и внимательно слушал хор семинаристов. Он гладил детей по головкам и после того, как семинаристы закончили петь, поблагодарил всех и пообещал обязательно дать детям, участвовавшим в этом выступлении, рождественские конфеты. “Христос Раждается! Славите Его!” – воскликнули все и покинули типографию.

Но как только мы приготовились возобновить нашу беседу, появился высокий не знакомый никому человек. Владыка Лавр спросил его:

– Кто Вы такой?

Мужчина по-русски не говорил и смущённый тем, что Владыка Лавр заметил его и остановил интервью, ответил ему по-английски:

– Простите, Владыка Лавр, не хотел Вас беспокоить. Счастливого Рождества Вам!

– Спасибо, и Вам тоже! – ответил Владыка по-английски незнакомому американцу.

Оказалось, что один из маленьких мальчиков, певший рождественские песнопения с семинаристами, был сыном этого американца, и мужчина хотел получить для мальчика благословение Митрополита и сделать фотографию на память...

Я не помню, чтобы во всё это время спонтанных визитов к Владыке Лавру кто-то что-то докладывал Владыке, заранее прося его разрешения. Всё происходило просто, даже я бы сказала – запросто, и нам с оператором ничего другого не оставалось, как ждать, пока все, кто хотел попасть к Владыке Лавру, получат благословение у Владыки в этот праздничный день.

Камера продолжала снимать всё происходящее, а потому и сейчас, столько лет спустя, можно видеть эти живые свидетельства доброты и доступности Митрополита Лавра, его открытость ко всем приходившим и

часто совершенно незнакомым ему людям, посетившим Джорданвилль и желавшим получить его благословение или фото на память.

Американец понял, что улучил момент, и не теряя времени позвал сына и по-английски предложил семилетнему мальчику сесть на колени к Владыке Лавру и сделать фотографию на память. Совершенно не меняясь в выражении лица, Владыка, нисколько не смутившись этим неожиданным предложением, спросил американца по-английски:

– Это Ваш сын?

– Да, это мой ангел Габриел, – отвел гордый отец, довольно глядя на сына, сидящего на коленях у Владыки Лавра и оказавшегося в центре внимания съёмочной группы и всех, кто в этот вечер присутствовал при записи рождественской беседы с Митрополитом.

Всё это время мальчик не стеснялся перед камерой, а Владыка гладил его по голове и наставлял по-английски, пока американец делал фотографию на память, нисколько не смущаясь тем, что прервал видеосъёмку.

– Ну, Габриел, – улыбался Владыка Лавр,
– смотри в кадр на своего отца.

Наконец, эта неожиданная фотосессия заочилась, и мы вернулись к нашей прерванной беседе. Микрофон мальчик случайно сорвал с рясы Владыки, и пришлось заново настраивать звук. Всё это время среди присутствующих на записи беседы монахов и семинаристов, оставался давний друг Владыки Лавра Лёвушка. Он, как ребёнок, видно устав от долгого молчания, стал острить и давать советы.

– Тихо, Лёвушка! Не мешай, – по-доброму, как маленького непослушного брата, попросил его Владыка Лавр.

Время уже было позднее. Длинный рождественский день подходил к концу, многих ждали дома накрытые к празднику столы. Я надеялась, что ничего больше не прервёт нашей беседы и мы сможем благополучно закончить съёмку, ведь другой такой уникальной возможности может уже никогда не представиться. Несмотря на усталость, Владыка Лавр собрался с мыслями и продолжил нашу беседу.

– Что заставило Вас покинуть Родину?

– Война началась в Европе. Сначала начали немцы «наводить порядки» с Югославией, потом с Грецией. Греция смирилась. Пошли войска через Словакию, как раз мимо нас, через Ладомирову. Не знаю, насколько Вы представляете себе географию – там есть Дукельский перевал. В Советском Союзе должны были знать люди постарше. Во время войны он назывался Дукельский перевал. Это один из главных перевалов из Европы через Карпаты в Карпатскую долину с той стороны и потом уже по направлению куда хотите: либо на Львов, туда к Польше, либо на Луцк, на Киев – на Крым, как у нас говорят на Карпатах – и потом дальше туда по России. И вот, в 1940 году, или в 1941, мне был тогда 12-й или 13-й год, точно не помню, конечно, – началась переброска войск. Немецкие войска – туда, сюда. Словакия в это время вошла в договор с Германией, с немцами, и они были партнёры. А Чехию немцы смирили, сделали протекторат. У Словакии была своя автономия, они сами могли распоряжаться, жить себе, что хотели делать, но немцы там были и использовали всё, что им нужно было, контролировали своё передвижение и

так далее. Для этого они починили дорогу там у нас, новую дорогу сделали – и пошли: конница, пехота, танки...

– Некоторые эмигранты, с которыми я раньше записала интервью, которые в тех краях восточной Европы пережили этот период Второй мировой войны, рассказывали, что они были очевидцами того, как мирное население встречало немцев хлебом и солью. На Вашей памяти были такие случаи?

– Ну, у нас особенно не встречали хлебом-солью, немцы просто шли себе через Словакию, как через свои земли, и шли дальше. А там в России – возможно, я там никогда не был в то время.

– Но какое у Вас было отношение к немцам?

– Ну, у нас не было ничего особенного, никакого предубеждения, я бы сказал, насколько я помню. Были там такие партизанские настроения, кто-то прятался в лесах и выступал против немцев. Помогали русским беженцам, из России, которые убегали из немецких лагерей военнопленных. Единицы были, но убегали. И у нас там прятались в монастыре в Ладомирове, мы им давали приют. Не то что их там прикрывали, но

во всяком случае, не выдавали их, и если они у нас жили, то немножко помогали, работали, а потом уезжали.

Русским, конечно, помогали, чтобы они не попали в руки к немцам.

Содействовали. Перевозили иногда в другую деревню: в телегу клали, прикрывали сеном и везли, чтобы он мог уйти, спрятаться, чтобы не попасть к немцам. Привозили в такую деревню, где нет почти никакого контроля.

Недалеко граница была польская, а там уж, значит, и военная граница, где уже шёл фронт, и там уже, конечно, должны были быть осторожно.

Вот так помогали русским, во всяком случае – сколько могли, и через них тоже кое-что узнавали о том, что было в России, какие настроения и так далее, потому что – повторяю – раньше у нас особенных контактов не было. И так было до 1944 года, так мы там жили... Сначала фронт в 1941 году начался, постепенно развернулась война. В день Всех святых в земле Русской просиявших, на праздник – была объявлена война, и там пошли, пошли, пошли... Слышна была канонада. Пятидесятый километр от нас – фронт начался. А потом быстро-быстро пошли и ничего не слышно уже было. Тогда

началось немецкое наступление, появились военнопленные. Так приблизился 1944 год, когда уже дело повернулось в другую сторону, там с России начали немцы отступать. А мы видели, что если мы там останемся, то нам несдобровать, конечно.

– Почему? – удивлённо спросила я, поражённая простодушием и скромностью Владыки Лавра, не считавшего свою опасную деятельность по укрытию и спасению советских военнопленных каким-либо геройством.

“Ничего особенного”, – так отозвался Владыка о мужественных поступках братьев монастыря в Ладомировой, поясняя, что ему было всего 12 лет, когда пришли немцы и приходилось скрывать в стенах обители беглых советских военнопленных, а потом и вывозить их на безопасные территории, пряча в телеге, покрытой сеном, в соседние деревни, подальше от немцев.

Учитывая, как рисковали монахи свою жизнь, помогая советским военнопленным, особенно тяжело было слышать дальнейший рассказ Владыки Лавра о вынужденном расставании с любимым монастырём не из-за немцев,

а из-за приближающихся к Словакии Советских войск.

– Почему? Вы же так ждали прихода России? Извините, – оговариваюсь я, понимаю, что мой вопрос не из простых.

– Ждали местные жители, а мы уже не ждали коммунистов, конечно. Мы ждали русских, – но не коммунистов. И народ, который там ждал русских, думал, что придут те русские, которые были с 1917-18 годов, тогда они пришли, занимались, людям помогали, крестьянам хаты восстанавливали и так далее. А оказались не те русские. Когда они уже пришли, тогда у словаков и впоследствии уже и у чехов, а я туда попал в 1964 году, – отношение такое было к русским, что ого!.. молчок и – готовы в спину нож!

При этих словах Владыка Лавр с очевидным сожалением прикрыл глаза, жестом показал удар воображаемого ножа и, покачав головой, прибавил:

– Уже такое настроение было. Понимаете, за 20 лет они уже попробовали коммунизм и знали что это.

При словах Владыки Лавра про “в спину нож” непосредственный, как дитя, Лёвушка, до того внимательно слушавший Владыку, нервно засмеялся, восклицая:

– Ой-ёй-ёй!

Да... странно было слышать такие признания от доброго, улыбчивого Митрополита Лавра, но, видно, такова суровая правда страшной Второй мировой войны и её последствий. Сложные политические взаимоотношения между различными народами, принявшими участие в войне и резко отрицавшими коммунистический строй, так же как и фашистский, – часто остаются без огласки. Однако именно в Восточной Европе эти взаимоотношения оказались наиболее обострёнными. Достаточно вспомнить Русский охранный корпус в Югославии, воевавший против коммунистов Тито и советских, как их тогда считали, оккупантов. Сложная страница русской истории – русской, потому что Русский корпус был основан выходцами из белой эмиграции. И хотя ни одного сражения между ними и Советской армией не случилось, 17 тысяч русских офицеров бывшей царской армии и совсем юных

представителей белой эмиграции – выходцев из кадетских корпусов и русских православных гимназий, родившихся уже в Югославии после большевистской революции, – воевали против своих “земляков” югославов-коммунистов и готовы были встать под ружьё навстречу идейному врагу – Советской армии. Великая отрада знать, что Господь не допустил повторения братского кровопролития в 1940-х годах. Ведь в памяти у многих по обе стороны идеологических баррикад ещё были свежи ужасы Гражданской войны 1917-1922 годов. Однако, для православных верующих всех европейских стран вопрос “с кем ты” был неизбежен, и многие были готовы оплатить свой христианский выбор своей кровью, – а многие, как известно, и сделали это, приняв мученическую кончину за свою веру в Бога. Такой вот страшный выбор встал и перед братством монастыря в Ладомирово. Судя по тому, как уверенно звучал голос Владыки Лавра, было понятно, что даже спустя полвека он не сомневался, что другого пути к спасению у братии, кроме как оставить выстроенный таким трудом монастырь, – не было.

– Ну, значит, назначено отступить, потому что у нас была белая эмиграция,

писали против коммунизма, против большевизма, против социализма – именно советского, и писали часто. В 1944 году, по старому стилю 15 июля, бóльшая часть нашего монастыря, монастырской братии эвакуировались вглубь страны, в Словакию, в Братиславу.

– Но Вы же были всего лишь навсего ребёнок, чего Вам было опасаться? Отец Ваш был по происхождению крестьянин, да?

– Вот послушайте... – говорит Владыка Лавр, улыбаясь моим назойливым расспросам.

– Про отца все-таки интересно: по происхождению кто был Ваш отец?

– Отец – крестьянин.

– Никакой не дворянин, ни в каких антиреволюционных действиях не участвовал? – уточняю я.

– Мне нечего было особенно дюже бояться, но я решил уехать с братией, потому что я уже привык, это во-первых, а во-вторых я был привязан к Владыке Виталию, который уже здесь был, в Америке. Он меня крестил. Я не помню

как он меня крестил, но я помню как он приезжал с Америки. Я был привязан к этому Владыке, хотел быть с ним, у него. И кроме того, когда я был там в монастыре, – меня посылали в школу, меня содержали, помогали, и мы хотели, чтобы я принес какую-то пользу монастырю, и я хотел принести пользу монастырю.

Очень не просто задавать личные вопросы во время интервью, но хотелось понять, как оказался будущий Митрополит Русской Зарубежной Церкви в монастыре со столь детских лет и как отпустила семья маленького мальчика, тогда ещё с мирским именем Василий, в полную неизвестности дорогу через всю охваченную войной Европу. Только на 50-й минуте нашей беседы я осмелилась задать Владыке Лавру эти вопросы, понимая, что могу разбудить в нём грустные воспоминания о расставании с его семьей навсегда. Однако, спокойная, ничуть не печальная реакция Владыки меня удивила. В очередной раз воочию убедилась я его особой манере разговора, неземному спокойствию, удивительной эмоциональной уравновешенности, но при этом ни в коем случае не холодности или сдержанности – он был открыт и даже эмоционален, но всё время невозмутимо

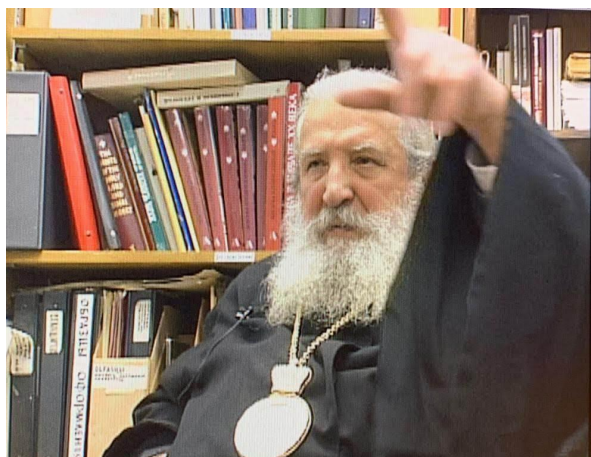
спокоен, несмотря на столь яркие воспоминания из своей жизни, которыми щедро делился с нами.

– Можно я спрошу Вас? Чьё было решение отдать Вас в монастырь учиться, жить? Это было решение родителей?

– Отец согласился, а я – сам, мне понравилось: я мальчиком прислуживал, ходил там в церковь, ну и мне понравилось, захотел.

– Вы помните этот день, когда Вы решили, что Вы не будете жить в семье, а пойдёте в монастырь? Всё-таки Вы ребёнок были.

– Я жил на два фронта.

Лёвушка засмеялся во весь голос, услышав это меткое замечание, а Владыка Лавр продолжал улыбаясь:

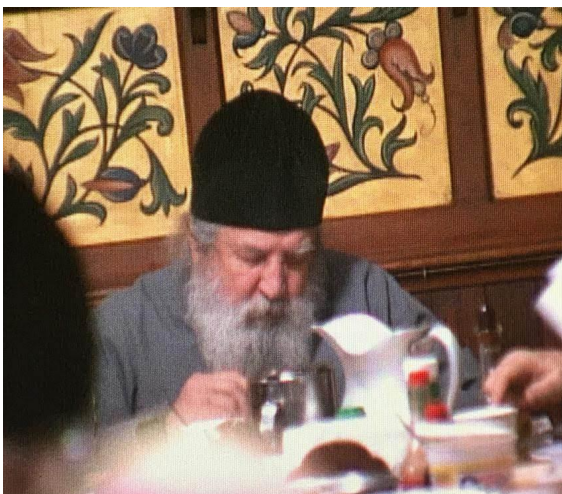
– Я ходил и домой, и ходил в монастырь. Ходил в школу – и ходил посещал дом. Видите, я был сирота.

Неожиданно для меня Владыка добавил:

– Мать моя умерла. Мне было шесть с половиной лет, сестре моей было три года. Потом у меня мачеха, конечно, была. Три брата есть по мачехе, по второму браку отец трое детей имел. У меня не было проблем дома никаких, потому что я был малышом ещё, но просто мне понравилось в монастыре.

РОЖДЕСТВО В ДЖОРДАНВИЛЛЕ 2004 ГОД

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУГА ДЕТСТВА ВЛАДЫКИ ЛАВРА

Здесь я позволю себе вспомнить рассказ Михаила Михайловича Заречняка, земляка Владыки Лавра, знавшего лично его и всю семью тогда еще Васи Шкурла. Я записала воспоминания господина Заречняка на видео в 2014 году в Вашингтоне. Домой к другу детства Митрополита Лавра меня привёл о. Виктор Потапов. Михаил Михайлович – один из самых старых прихожан храма Св. Иоанна Крестителя, и о. Виктор знал, что Михаил Михайлович может рассказать много интересного о Владыке Лавре и непростых перипетиях русских эмигрантов в годы Второй мировой войны. Услышанное превзошло все ожидания. Вот лишь небольшой отрывок из нашей трёхчасовой беседы о карпатороссах, Второй мировой войне, Союзе Трудовой Молодёжи, разведке в советском тылу и встречах с Власовым... Когда-нибудь эти бесценные воспоминания о малоизвестных страницах истории станут доступны широкому зрителю.

Рассказывая о своем детстве в маленьком словацком селе, Михаил Михайлович Заречняк вспоминал, что жизнь была тяжёлой, работы было мало и многие крестьяне бедствовали. Семья Шкурла жила очень бедно, возможно отец отдал маленького Васю на жительство в монастырь не только из-за религиозных соображений... Но будущему Владыке Лавру в 6 лет это всё не было понятно, а было радостно, что в монастыре ему хорошо. Решение отца оказалось мальчику по душе.

Наш разговор состоялся в Вашингтоне в 2014 году. В своём уютном доме в центре Вашингтона Михаил Михайлович Заречняк рассказывает со свойственным ему юмором, несмотря на серьёзность нашего разговора:

– Ну вот, с Владыкой Лавром как мы познакомились? Я в Восточной Словакии жил, в селе Выдрань, и услышал, что в монастыре православном можно всем встречаться, кому есть возможность. Надо было устроиться на ночь куда-то, и при монастыре был отдельный дом для приходящих, и мы там на ночь могли устроиться ночевать и питаться у них в их столовой. И Владыка Лавр, когда он родился и был маленьким мальчиком, его родители были настолько бедные, что не могли его содержать и отдали его в монастырь, чтоб о нём монастырь позаботился, и так он начал свою карьеру духовную. И когда я попал впервые в монастырь, то ему было примерно 11-12 лет ... я старше его немножко. И мы стали знакомиться, рассказывать друг другу откуда мы, что мы... и главное – начали в церкви прислуживать. У него довольно быстро стало ясно, что его самого тянет в церковное дело. Сначала в хор, он пел в хоре, а потом – в монахи. И ушёл от родителей, и никто среди родных не плакал, потому что им, как я сказал, было очень трудно его содержать. И среди других монахов он обращал на себя внимание своей вежливостью, приветливостью, было легко к нему подойти, поговорить, рассказать, посоветоваться что нам делать... И в этом смысле он пользовался ну... можно сказать, успехом, да?.. И так мы там из года в год встречались летом, потому что после летних каникул надо было возвращаться в школу, и я уходил в школу, а он оставался там.

– А какой это год, Михаил Михайлович?

– Дайте мне высчитать... Я родился в 1920 году, мне было лет 14... значит, это 1934 год, считайте...

– Село, где я жил, делилось на три части: верхнее, среднее и нижнее. В верхнем конце жили люди, которые были совсем бедные... А в среднем, наоборот, по понятиям деревенским – богатые. А в южной части, нижней, жили всякие, кто как мог... Моя фамилия Заречняк означает – тот, кто живет за рекой, это совсем уже социально не важный человек... И можно было зарабатывать у людей в средней части села, коров подоить, свиней покормить. Всё равно какая работа. Я не гнушался работы, и благодаря этому люди стали привыкать ко мне и приглашать меня на эти работы. Когда приносил эти деньги домой маме, то она была очень довольна: ну, вот видишь, нам всем будет легче, что ты уже рабочий.

Вот отрывок из рукописи М.М. Заречняка: “В соседнем селе жил тогда мальчик, будущий Владыка Лавр, которого родители с детства отдали в монастырь Владимирово. Я бывал в этом монастыре с группой молодых людей, молился там.”

– Скажите, Михаил Михайлович, получается, что семья Владыки Лавра была ещё беднее вашей?

– Бедной, настолько бедной, что они не могли содержать его.

– Не было работы в этих местах?

– Да, во Владимирово там не было таких работ, как вот мой папа мог ходить зарабатывать.

В разговоре принимает участие о. Виктор Потапов, он спрашивает Михаила Михайловича, самого старого прихожанина своей многочисленной паствы:

– А вы часто бывали в монастыре во Владимирово?

– Да, довольно часто, я старался бывать почти что каждое лето. Когда нас отпускали на два месяца, я старался или один или с друзьями идти в монастырь. И мы могли останавливаться в доме для паломников. Мы тоже кое-что делали там: рубили, чистили, возили... Но главное, что на всех богослужениях мы присутствовали...

Дальше наш разговор уходит немного в сторону от детства Владыки Лавра. Михаил Михайлович делится со мной воспоминаниями о тех далёких годах, где жили тяжело и многие дети работали, помогая семьям, но никаких политических репрессий в Словакии не было... Михаил Михайлович поясняет:

– Словакия была демократическое государство, и до нас доходили сведения о репрессиях в Советском Союзе, у нас были эмигранты, которые рассказывали об этом... Мы думали, что это русские люди сами хотят так жить, но нам объясняли, что это не совсем так, что русским людям навязывают это сверху, и понеможку мы стали понимать что такое коммунизм...

Подробный рассказ Михаила Михайловича Заречняка о жизни карпатороссов под Австро-Венгерской империей в те непростые годы заслуживает отдельной публикации.

Здесь же приведу лишь небольшой отрывок из его книги – он перекликается с воспоминаниями Владыки Лавра о гонениях на православную веру и о горячем желании русинов вернуться к своим религиозным корням именно в те годы, когда некогда великая православная Россия, столь почитаемая ими, тонула в кровавом атеизме нового коммунистического режима.

Из рукописи Заречняка: “Я родился в Карпатской Руси... Понятие Карпатская Русь состоит из нескольких частей: Галицкое, Пряшевское, Подкарпатская Русь. Пряшевское – это северо-восточная часть Словакии, где течёт река Лаборец, по имени князя Лаборец. Моё село Выдрань от зверька выдра, находилось в районе Лаборец – это был окружной город. Наша сельская церковь была посвящена Архистратигу Михаилу... Церковь была греко-католической, признавали папу римского, хотя служили по православному обряду. В нашем селе было около 600 человек. Мой папа был русин из Галицкой Руси, на тот момент это была часть Польши, где живут православные, теперь это часть Украины. Среди прихожан были и русские эмигранты, которые бежали из Советского Союза после революции ... и одного я очень хорошо помню – это Севасьянов Дмитрий Петрович. Он жил один в доме, но крестьяне каждый день приносили ему пищу. С ним я был лично знаком, и он помогал мне усовершенствовать русский язык. Со временем я поступил в русскую гимназию в Праге, где я учился с детьми русских эмигрантов. Они звали меня русином, а мы их – москали. Впоследствии я поступил в Братиславский Государственный Университет на филологический факультет... именно там я узнал подробности греко-католической церкви и понял, что фактически папа римский возглавляет эту церковь. Много мне открылось, и таким образом я понял, что нас несколько обманывали, и я решил перейти в православие. Я пошел в мэрию и официально выправил свои документы на то, что с греко-католиков я перехожу в православие. Я был первый человек в своём селе, который сделал этот шаг. Моя мама плакала по этому поводу, так как боялась, что будут репрессии, но Бог меня хранил и репрессий не было.”

О. Виктор Потапов:

– Но Вы потом с Владыкой Лавром часто встречались?

– Да-да-да!

– Вспоминали старину?

– Да и вот теперь, когда незадолго до своей смерти он приехал сюда, в этот дом, и мы снова вспоминали одно за другим, как шли дела, как Господь благословлял! В частности вопрос о воссоединении церковей стоял у нас всегда очень остро, потому что название «Заграничная Церковь» нам, русинам, представлялась как какое-то недоразумение... «Заграничная Церковь»?... Почему мы не просто русская церковь? Это слово «Заграничная»... Когда теперь переговоры начались, то Владыка Лавр сказал, что он сколько раз ночей не спал, молился Богу, чтоб воссоединение произошло...

При этих словах Михаил Михайлович еле сдерживал слёзы... Воистину Промыслом Божьим озарены судьбы этих двух земляков, Владыки Лавра и Михаила Заречняка, некогда деревенских мальчишек из бедных карпаторосских сёл, где православная вера была вне закона. Они пережили разлуку с Родиной, военные годы, познали жизнь на чужбине. Пути их на какое-то время разошлись, но спустя годы земляки встретились и уже не теряли связь друг с другом до последних дней. Михаил Михайлович пережил Владыку Лавра и, судя по его воспоминаниям, очень тосковал о нём... Собрав свои силы, он продолжал:

– И наконец-то воссоединение благополучно произошло... И Владыка Лавр буквально почувствовал, что может умирать... А там, где он жил, он жил отдельно, не совсем в лесу, но около леса, и на ночь покрывал лицо маской, чтоб жучки всякие не лезли и не кусали его...

Я уточняю:

– Это Вы, Михаил Михайлович, про Джорданвилль говорите?

– Да... Он мне рассказывал, что молился до всего этого воссоединения. Потом мы вспоминали прежние годы, как Владыка управлял, как это было трудно...

– Владыка Лавр начал свою жизненный путь практически сиротой, наверное не предвидя, что Бог уготовит ему такую большую роль в истории: возглавить Зарубежную Православную Церковь, потом возглавить воссоединение Церквей... это ведь огромная историческая ответственность выпала на его долю! С началом Второй мировой войны

вся ваша патриархальная жизнь в селе, к сожалению, закончилась, на смену пришла жизнь беженцев... А где, в какой момент проявилась миссия Владыки Лавра, как Вы думаете?

– Поначалу мне казалось, хотя мы встречались часто, что он просто монах... и приходит в гости, я его встречаю, он молится за меня... И эти политические вопросы, это для нас всегда была политика, потому что мы всегда считали Москву настоящей православной церковью... А вижу, что он молчит до этого, ничего не говорит... Нам казалось, что он такой монах, который считает, что одна церковь на свете...

При этих словах у Михаила Михайловича опять появились на глазах слёзы:

– Я всегда волнуюсь, когда вспоминаю как он поднимал руки: “Один Бог на свете и одно православие!” Ну, тогда мне стало понятно, что не надо больше его спрашивать об этом, что этот вопрос как-то решится. И он решился. Так что теперь, когда это всё случилось, оно случилось задолго до его смерти, и он мог спокойно умирать. Потому что то, чего он хотел – единая церковь – случилось!.. Он умер, никто при нём не был...

– Я рада, что Вы поделились этими воспоминаниями, потому что тоже имела честь лично узнать мнение Владыки Лавра о воссоединении церквей и потому очень неприятно было слушать, когда распускают слухи, что якобы Владыка Лавр действовал не по своей свободной воле.

На глазах Михаила Михайловича снова показались слёзы при воспоминании о том непростом периоде духовных испытаний, выпавших на долю Митрополита Лавра и его единомышленников.

– Он стеснялся со многими открыто сказать то, что он думал... приходилось быть осторожным, с кем-то он был откровенным, а с кем-то сдержанным.

– Вы когда первый раз возобновили личные встречи с Владыкой Лавром после войны?

– Когда я уже заканчивал университет в Братиславе, тогда кто-то мне написал: а твой Лавр уже епископом стал! Тогда для меня была приятная новость, потому что я не думал, что Лавр может стать епископом! Такой же как я человек, а всё же он епископом стал! Ну и тогда пошел я в церковь, чтобы посмотреть как он молится... Вижу, что он

властно молится! И в этом смысле он напоминал мне Иоанна Шанхайского, который был босой, но когда смотрел на вас, он всего вас пронизывал глазами, и в этом смысле было страшно с ним, потому что ты чувствовал себя ничтожным... Он не давал тебе возможность дурака повалить, сказку рассказать... Я поэтому захотел встретиться снова с Лавром, и вижу, что он не похож в этом смысле на Иоанна Шанхайского... Что по-старому тихий, спокойный, думающий и глубоко верующий в Бога человек!

И Бог один, и мы должны стараться как можно больше делать, чтобы спасти души наши. Так что вопрос о душах вставал больше всего, и можно было с ним спокойно обо всём говорить... (Михаил Михайлович вытер слёзы...)

В этот момент беседы своими воспоминаниями поделился о. Виктор Потапов:

– Насчёт решительности... Я помню, вскоре после его избрания, Владыка Лавр был на западном побережье Америки на каком-то пастырском съезде. Мне кто-то из священников позвонил из Сиэтла и сказал, что Владыка Лавр открыто заявил, что нужно воссоединяться... Меня так это поразило и так обрадовало, потому что, очевидно, в нём эта мысль созрела давным-давно, ещё при жизни Владыки Виталия. Он просто молчал и, очевидно, ждал своего момента.

Отец Виктор глубоко почитает св. Иоанна Шанхайского. Приход св. Иоанна Предтечи, настоятелем которого он является, был основан Владыкой Иоанном в 1950-х годах, и конечно мне было интересно: знал ли Владыка Иоанн будущего Митрополита Лавра и как отнёсся бы к воссоединению Московской Патриархии и Зарубежной Церкви... Вот что сказал о. Виктор:

– Я убежден, что Архиепископ Иоанн, если бы дожил до нашего времени, первый бы голосовал за то, чтобы объединиться, потому что его идеология была очень здоровой, православной, он понимал, что придёт время, когда Заграничная церковь потеряет всякий смысл самостоятельно существовать. Он об этом пишет в своей краткой истории Зарубежной Церкви, что она носит временный характер... так что Владыка Иоанн определённо был бы на стороне Владыки Лавра.

– Владыка Лавр и Владыка Иоанн встречались когда-нибудь?

О. Виктор Потапов:

– Конечно! Владыка Иоанн неоднократно приезжал в Джорданвилль, на Архиерейские Соборы, приезжал в Магопак, там тоже Собор собирался. И непременно заезжал в Джорданвилль, а Владыка Лавр всю свою американскую жизнь – основную её часть – прожил в Джорданвилле. Он встречался с Владыкой Иоанном, он ему иподиаконствовал даже.

– Известно ли, как Владыка Лавр относился к периоду травли Владыки Иоанна?

Отец Виктор:

– Я знаю, что Архиепископ Аверкий, тогдашний настоятель Джорданвилльского монастыря, был в «твёрдом лагере» Владыки Иоанна. И Владыка Аверкий имел огромное влияние на всех монашествующих в Джорданвилле, так что я убеждён в том, что Владыка Лавр в данном случае тоже поддерживал Владыку Иоанна.

Под конец, наш разговор вернулся к воспоминаниям о Карпатской Руси. Конечно, невозможно не заметить особый колорит речи, юмор, свойственный обоим землякам-русинам Владыке Лавру и Михаилу Заречняку.

Отец Виктор спрашивает:

– А вы по-карпатски с Владыкой Лавром говорили?

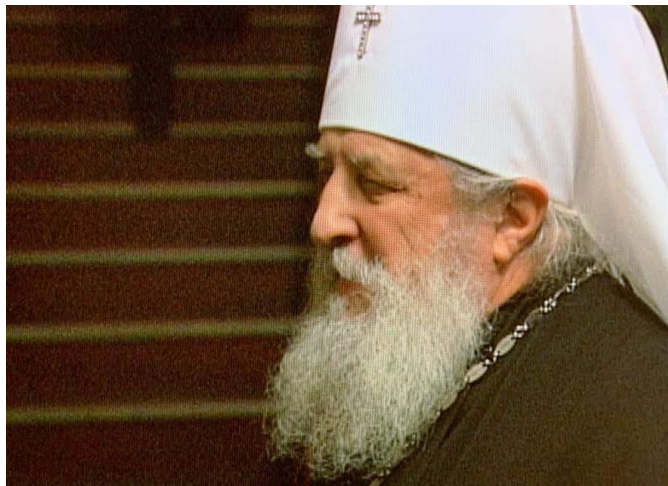
– Нет. Отдельные слова мы вставляли, чтобы что-то подчеркнуть... местный диалект наш...

Тут Михаил Михайлович на карпатском говорит мне фразу, что рад был познакомиться. Язык на слух во многом напоминает украинский и белорусский.

– Да, это наш диалект. Некоторые слова есть даже не совсем приличные, но если что-то подчеркнуть – то, бывает, скажешь!

Эти редкие воспоминания господина М.М. Заречняка дополняют детали в рассказе о детстве и юности Владыки Лавра и о той сложной обстановке, в которой происходило воспитание и формирование будущего Митрополита. Самому Владыке трудно было

вспоминать эти далёкие годы, а благодаря уникальной записи мемуаров его друга детства и земляка мы можем иметь более полное представление о непростой судьбе Митрополита Лавра.

Продолжение интервью с Владыкой Лавром 7-го января 2004 года в Джорданвилльском монастыре.

Возвращаясь к рассказу об эвакуации братии из монастыря, Владыка Лавр продолжал:

– И поехали. Приехали в Братиславу, жили в Братиславе полгода. Фронт уже близко подходит. В Словакии было восстание – одно, другое. Немцы подавили одно, но уже всё кипело. Нужно было двигаться дальше, и 5 января 1945 года мы уехали из Словакии через Дрезден, Прагу и в Берлине остановились около месяца. Попали под бомбы. Вот там мы испытали немножко что такое бомбы, а до этого Вторую мировую войну мы жили впроголодь, трудно было, но не так страшно, у нас

никто бомбы не бросал, ничего такого не было.

– А про Русскую Освободительную Армию Вы тогда что-нибудь слышали? Кажется, их последнее расположение было как раз в Праге?

– Это они уже потом попали к Праге, и там должны были сдаться. Это было позже... да. Это уже когда мы были в

Германии, перед самой сдачей. Мы с ними были связаны немножко, мы у них служили службы. Для них наши служили, но мы не были в администрации с ними, мы просто обслуживали солдат. На праздник, скажем на Рождество, служили в одном из лагерей РОА. Я помню, что служили службу в одном месте, потом в другом месте... Служба та мне помнится.

– Власова самого Вы видели?

– Власова видел, когда мы уезжали из Берлина. На том же вагоне

уезжал, что и мы.

– Да что Вы?!

– Да.

– А куда Вы ехали из Берлина?

– Мы из Берлина уехали в Баварию, ну и он тоже переезжал с Берлина в это время туда, в те края где-то.

– В одном вагоне?

– Нет – в одном поезде, не в одном вагоне. У нас были свои вагоны. У нас был в Братиславе человек, который там работал, железнодорожник, он нам постарался, устроил для нас два вагона. Один вагон мы себе нагрузили вещей

всяких, провианту, а другой вагон для нас был.

– Кто из союзников вам помогал через весь этот военный путь пройти?

– Из союзников – вот Владыка Виталий. Отсюда, из Америки, он посылал деньги нам в Швейцарию, а в Швейцарии мы их получали.

– То есть вы были такой передвижной путешествующий монастырь?

Владыка Лавр улыбается моим словам и с согласием кивает головой.

– На полгода, да... на год, на полтора...

– А какое впечатление Власов произвёл на Вас? Я понимаю, что Вы были ребёнком, но всё-таки это были его последние годы жизни.

– Ну, я знаете так мельком что-то увидел, вот он прошел здесь рядом, я с ним не разговаривал, конечно. Я потом встречался с некоторыми его помощниками, но не лично, а тоже так – немножко их видел во время церковной службы, но я деталей не помню уже, конечно. Не могу сказать Вам ничего такого. Ничего плохого не могу сказать, потому что у меня просто не было опыта общения с ними.

Владыка Лавр возвращается к рассказу о путешествии по военной Европе:

– Но во всяком случае мы дождались в 1945 году в мае месяце конца войны. Это было на Пасху, на первый день. Пришли американцы, танки. Смотрим – тут заборы долой, начали их жечь. Вынесли молоко, яйца угощаться. У немцев тоже было, так что они сносили свои продукты до последнего времени, уже война даже кончилась как будто, а они всё равно ещё сносили своё в магазин...

– Вы имеете в виду, что мирное население для фронта продолжало приносить?

– Нет-нет, просто для того, чтобы там можно было покупать в магазине вещи. Покупаешь по карточкам. Всё можно было купить, кроме папирос и шоколада. И кофе нельзя было купить.

– Вы говорили, что ваш монастырь служил службы для членов РОА, для офицеров РОА... А ведь в то время было много уже репатриационных лагерей. Вы пересекались с ними, с людьми, которые сидели ждали своей участи?

– Да, мы служили. Скажем, если мы служили около лагеря, там были люди, они тоже приходили на богослужение.

Мы например служили, я помню, в Вальштеттене, такое было местечко, и там была часть РОА. Не знаю, какая там часть была, кажется, пропагандисты... да нет, это в Дабендорфе были пропагандисты... Там многие приходили на службу, молились. Их было не так много. Потом уже появились репатриационные лагеря, и были настроения не особенно приятные. В одном месте в Биберахе мы проезжали, и встретились там девчата. Наскочили на нас и говорят...

Владыка Лавр чуть заметно улыбается, изображая голосом гнев попутчиц:

– “Что вы, такие-сякие, здесь торчите! Надо ехать на Родину!!!” и так далее. А мы: «Наша Родина – Словакия!» Ну там с ними немножко поцапались. А так... они были настроены, конечно, что “вот мы едем домой!” Начали ходить в обмундировании более таком приличном, доставали где-то себе, потому что они раньше были остовцы, рабочие, где-то работали, а тут, значит, уже перестали слушаться немцев и готовились к репатриации домой.

– А вам не показалось странным, что эта Советская, бывшая русская, армия, которая заставила вас покинуть свою

родную землю, лишённая православия и истинных русских традиций – это была одна сила, которая вытиснула вас со своей земли. И вот бежав от неё, попав за рубеж, вы столкнулись с РОА, где вдруг вы встречаете среди членов РОА и тех самых русских, ту старую русскую гвардию?

– Ну конечно, было странно. В Биберахе тогда встреча была немножко такая странноватая с молодёжью, которая говорила, что “Вот, мы домой! Куда вы?!” Конечно, были люди и другого настроения, понимали больше, как-то практически осознавали положение лучше. А та молодёжь, которая попала в лагерь, в трудные обстоятельства, в беду, – те, конечно, жили надеждой. Но потом они вернулись в Россию, им всем там «улыбнулось» конечно...

Я знаю, как однажды молодой человек ездил туда, в Россию, может быть в 1963 году, туристом. И вот, он с туристами ходит в Киеве по пещерам [скорее всего, речь идёт о Богозданных пещерах Киево-Печерской лавры – прим. редактора]. Проводница говорит: “Обратите ваше внимание на то-то и то-то...” – водит, показывает, а сзади группы идёт тетушка, чтобы никто не пошёл куда-нибудь по пещерам, там можно

заблудиться или таким образом спрятаться на время, а потом выйти, так что следили. Эта тётушка их сопровождала. И говорит потихоньку молодому человеку: “Я была в Германии...”

При этих словах Владыка Лавр переходит на шёпот, изображая «киевскую тётушку». Достоверно известно, особенно из воспоминаний о Виктора Лохматова, келейника Владыки Лавра, сопровождавшего его в поездках, – о многочисленных визитах Владыки Лавра в разные города и святые места бывшего Советского Союза. Свои паломничества Владыка совершал инкогнито, как простой монах. Зная об этих поездках Владыки Лавра, целью которых было лично видеть жизнь русского народа, – я невольно подумала: возможно, этим «туристом» был сам Митрополит Лавр?.. Владыка продолжал “таинственным шёпотом киевской тётушки”:

– “Я была в Германии и там посмотрела... а вот сейчас, знаете... Если там вы увидите кого-то, передавайте привет... то-то и то-то...” – что-то там она попросила, – “только не говорите никому что я вам говорила...” Вот такая была ситуация. Так что там использовали

людей, конечно. Некоторых привозили куда-то. А другие, такие как, скажем, военные, прошли через то, что описывает Солженицын. Они «получили своё» за то, что где-то там попали в плен и так далее. Конечно, это было тяжело осознать. Конечно, мы, например, не были и не видели Лиенца.

Неожиданно для меня Владыка Лавр касается трагедии в Австрийском городе Лиенце, где в конце Второй мировой войны в результате международного соглашения, а вернее – заговора против казаков, бежавших от расправы Сталина за рубеж, – тысячи казачьих солдат и офицеров с жёнами и детьми были предательски выданы на расправу Советской власти. Трагически закончилась эта насильственная репатриация на Родину: попытка затолкать в вагоны и отправить в сталинские лагеря свободолюбивых казаков закончилась массовыми самоубийствами целых казачьих семей, матери кидались в реку с детьми на руках, выбирая смерть вместо рабства в лагерях.

Владыка Лавр продолжал:

– Я уже был в Лиенце последние несколько лет, раза два-три туда просто заезжал, где всё это происходило.

Целый ужас был, целый ужас! Ну тут как раз и действовали американцы, они были виноваты, а больше всего были виноваты англичане, потому что они всё это подстроили, договорились в Ялте со Сталиным и, конечно, старались, чтоб всё это было выполнено. А русские люди не хотели возвращаться в СССР... не хотели, бросались в эту реку...

При этих словах Владыка Лавр закрывает глаза, словно представляя весь ужас происходящего.

– Там такая быстрая река течёт. Просто на камни... они... с детьми! С вагонов выкидывались... самоубийства... перерезали себе жилы...

Владыка Лавр движением руки как бы черкнул ножом по своему запястью. Явно было, что он очень переживал трагедию казаков в Лиенце. После столь тяжёлого рассказа возникла небольшая пауза. Но опять я не заметила на лице Митрополита Лавра ни гнева, ни злости по отношению к тем, о ком он говорил. Очевидно, он переживал всё сердцем, давал чёткую оценку поступкам виновных в этой трагедии, но гнева и злости не было ни в его голосе, ни в его лице. Чудо!

– Владыка Лавр, позвольте вернуться к хронологии вашего пути по военной Европе. В каком году ваш монастырь наконец-то приехал в Америку?

– В 1945-м году, в начале или в середине июня, мы поехали из Германии в Швейцарию. Владыка Виталий устроил нам всем визы из Словакии в Швейцарию, но мы не могли переехать во время военных действий. Немцы не давали нам транзит через Германию, чтобы выехать в другую страну. Мы могли въехать в Германию – и мы въехали, но выехать не могли. Как окончилась война, мы сразу нашли швейцарского консула и получили визы. У нас были визы на 14 человек, мы использовали 12 виз. Сразу в июне поехали в Швейцарию, и уже, может, в начале июля прибыли. Жили в Женеве и там ждали возможность попасть в Америку, но были проблемы. Нам сразу обещали, что сегодня-завтра дают визы. Приходим, чтоб получить, – а там кто-то в американское консульство посылает на нас доносы, что мы такие-сякие, что у нас есть предводитель шайки, который нас вывез в Швейцарию, и мы такие преступники... – и нас не пускали.

Владыка Лавр еле заметно улыбается, разглаживая рукой седую бороду.

– И только в 1946 году, 1-го декабря мы приехали сюда, в Джорданвилль.

– Какое было первое место, в которое вы приехали в Америке?

– Ну, в Нью-Йорк приплыли – и сразу сюда.

– Ну, понятно: место назначения – дом...

Наш разговор происходит в январе 2004 года, за три года до исторического воссоединения Русской Зарубежной Церкви и Московского Патриархата в 2007 году. Не зная как задать следующий сложный вопрос, я подыскиваю слова:

– Месяц назад прочитала, что готовится Ваша будущая встреча с Патриархом Алексием Вторым. Скажите пожалуйста, Митрополит Лавр, она произошла уже?

Опять очень спокойно, без тени удивления моему вопросу, без каких-либо явных эмоций на лице, Владыка Лавр отвечает прямо и просто:

– А... с Алексеем. Ещё нет, ещё не было. Может быть, когда-то состоится. Но так не знаем ещё.

Интересно, что при этих словах Владыка Лавр растирает руки, будто готовясь к работе над чем-то. Потом оператор берёт

крупный план лица Владыки Лавра. На этих кадрах Митрополит внимательно, иногда тихо качая головой, слушает мой длинный новый вопрос. На этот момент наша беседа длится уже больше часа.

– Конечно, тема воссоединения церквей, крепости православия в России – это то, о чём даже говорю не я, а – как я их называю по-доброму, с любовью – старики, которых я снимаю для моего фильма: Фёдоров, Новосельцев и другие. У каждого из них свой взгляд, но всеми ими руководит безграничная любовь к России, патриотизм, невероятная боль, очень искренняя, за нашу страну, несмотря на всё то, что они пережили. Но есть масса вещей, которые до сих пор как бы не затрагиваются, о том трагическом периоде русской истории и той эмиграции, пастве православной, которую Вы возглавляете сейчас здесь за рубежом. Какие-то вопросы этического, морального, исторического плана будут подниматься в этом разговоре с Патриархом Алексием или Вы считаете, это не дело священнослужителей задавать такие вопросы?

– Ну, я думаю, что больше будут вопросы затрагиваться чисто в плане церковно-историческом и каноническом.

А в этическом плане – я думаю, что специально вряд ли. Эти вопросы – дело истории, конечно, как кто освещает, как кто к этим вопросам подходит. Один понимает так – и так это видит, а другой иногда отвечает и приводит другие мотивы и основания тех же самых вещей.

– В вашей семинарии сегодня учится большое количество ребят из бывшего Советского Союза.

– Ну, есть люди молодые у нас, есть.

– Я понимаю, что это большая тема и в двух словах её не расскажешь, но как Вам кажется – ждут воссоединения Русской Православной церкви?

– Здесь? – уточняет мой вопрос Владыка Лавр.

– И здесь... я знаю, ждут многие старики.

– Ну, ждут, конечно. Ждут здесь, ждут в России.

– На каких основаниях, Вы думаете, это возможно?

– Ну, я думаю, что постепенно. С Божьей помощью, во-первых. Постепенно это может быть улажено, но не так просто, конечно. Это потребует некоторое время. Это не так, что вдруг встретились,

подписали, поговорили и закончили. Не так, конечно. Это вопрос, который требует времени, обсуждения многих вопросов, которые существуют, различия между нами в вопросах.

– Какие главные вопросы?

– Есть вопросы чисто исторического характера, канонического характера.

– А вот пресловутое “сергианство”?

– “Сергианство” – тоже. Это с одной стороны, а с другой – так называемый “экуменизм”, это сослужение с иноверными. Это такой вопрос, который требует обсуждения. Для этого будет две комиссии: с нашей стороны и со стороны Московской Патриархии. Вопросы, которые есть, которые нужно разобрать и обсудить, будут предложены и будут обсуждаться комиссиями, затем представляться одной комиссией – своей стороне, другой комиссией – той стороне. Потом высшей церковной власти нужно будет решать, обсуждать и принимать меры и дальнейшие действия.

– Вот, некоторые высказывают такое опасение, – даже те, кто приветствует воссоединение, – они говорят: благодаря Зарубежной Православной Церкви удалось сохранить так много ценных

реликвий, так много архивов, что есть опасение, что при воссоединении появится доступ ко всем этим святыням, которые всё это время были здесь в сохранности, и вдруг откроется эта дверь, и кто знает, что будет дальше, учитывая, что сегодня в России всё хорошо, а потом... Ну как легко, знаете, и казачьи реликвии, и не только – распродают. И вот есть опасение...

Владыка Лавр понимает мой вопрос с первых фраз и быстро отвечает, не давая мне закончить мои долгие объяснения:

– Ну, это есть у наших, есть. Недоверие большое, я бы сказал, у наших людей есть. Но мы не собираемся соединяться так, чтобы объединяться и раствориться, – это раз, и во-вторых, – чтобы вообще себя похоронить!

Здесь, наверное впервые за все полтора часа нашего разговора на непростые исторические темы, голос Владыки Лавра стал заметно твёрже и громче, когда он заговорил о будущем Зарубежной Церкви. После небольшой паузы он добавил:

– Мы думаем мирно сосуществовать, мирно жить, как мы жили, продолжать свою жизнь и так далее.

Насколько возможно, содействовать церковной и духовной жизни там, в России, и пользоваться также свидетельствами с той стороны, тем, что в России имеется. В России тоже есть свои богатства духовные.

– Что главное получают православные в России и русские здесь от административного воссоединения? Я так понимаю, институты всё равно будут иметь свою независимость... – при слове “независимость” Владыка Лавр утвердительно склоняет голову. – А что православные получают в результате?

Тут ответ Владыки Лавра явно показывает, что Владыка – воспитанник именно Почаевского братства прп. Иова, многовековой миссией которого, независимо от местонахождения братии, всегда было просветительское дело. Ответ Владыки Лавра демонстрирует его знание и любовь к печатному делу и книгоиздательству, и он приветствует возможность расширить просветительскую работу монастыря и всей Русской Православной Церкви Заграницей.

– Во-первых, православные за рубежом получают возможность познакомиться со многими историческими богатствами,

которые имеются в России. Там масса документов и архивов, к которым мы раньше не имели доступа, многое печатается, и появляется возможность больше этим пользоваться. А там в России могут больше пользоваться нашими архивами, рассказами, произведениями, книгами.

– И последнее. Это уже не вопрос. Скажите просто несколько слов. Представьте, что перед Вами сидит многотысячная аудитория молодёжи в России, которой сейчас преподают разные лозунги о том, что такое быть русским, что такое быть патриотом... Вы можете как-то сформулировать что бы Вы пожелали им, чтобы страна имела будущее? Что на Ваш взгляд самое важное?

Владыка Лавр по-доброму улыбается смею думать моему не умирающему энтузиазму: второй час беседы, а я задаю ему “философский” вопрос.

– Я думаю, что самое главное нужно помнить, – вот как мой наставник покойный Владыка Виталий, про которого я Вам говорил, который восстанавливал монастырь на Карпатах, и здесь монастырь наш был под его ведением, – самое главное – помнить заветы наших основателей,

основоположников России, Святого Владимира: быть православными, хранить православие, жить по правде, по заповедям Божиим. Вот это главное. Тогда мы можем рассчитывать на Божию помощь, на Божие свидетельство, и на то, что нас будут уважать, что мы можем принести пользу не только себе, но и всему миру.

– Спасибо большое!

– Дай Вам Бог!

– Благословите, пожалуйста!

Перекрестив меня, Владыка Лавр благославляет меня говоря:

– Всего доброго...

Я передаю Владыке бумаги о моём фильме «Рожденные Русскими». Он внимательно слушает мои пояснения.

Я стою рядом с Владыкой Лавром, оператор готовится выключить камеру, и волшебство этого момента скоро закончится, прервётся на плёнке... но память бережно сохранит все последующие встречи, выпавшие мне в эти рождественские дни.

– ...Вообще у нас снято уже больше ста часов плёнки, там будет очень много всего, но в основном это материалы, которые мы снимаем здесь, для России, потому что люди многие не знают, что здесь делается так много хорошего для России. Большая часть людей находится в неведении. Я безумно Вам благодарна. С праздником Вас! Отдыхайте!

Владыка Лавр улыбается на мои сумбурные пояснения, я кланяюсь до земли перед Митрополитом Лавром.

– Ну, дай Вам Бог! – говорит он

Владыка Лавр опять благословляет меня, и я в последний раз в моей жизни припадаю к его руке... Провод микрофона падает с его ряссы, и он шутит: «Смотрите, Вашу штучку унесу! А я думаю, что меня тянет?»

В это время, уже заждавшиеся окончания затянувшейся беседы братья монастыря провожают Владыку Лавра из типографии, где проходила наша беседа, а у дверей уже ждёт продолжения видеосъёмки самый необычный старожил монастыря – остроумный,

чуть блаженный и всегда готовый к беседе Лев Иванович Павлинёц или попросту Лёвушка, знакомый с Владыкой Лавром и Почаевско-Ладомировской братией с самых ранних лет её существования...

“Рождество с Владыкой Лавром” – я могла только мечтать о таком интервью. Мечта осуществилась в день Рождества Христова, 7 января 2004 года, и эта беседа станет, Бог даст, достоянием многих поколений православных христиан. Бесценные воспоминания об исторических событиях устами редкого человека, сумевшего с помощью Божией и своей терпеливой молитвой объединить

русских верующих после 80 лет вынужденной тяжёлой разобщённости. Как мало в истории человечества тех, кто не уводит “за собой”, а соединяет воедино. При всей значительности его сана и роли, отведённой ему в истории русской Православной Церкви, Митрополит Лавр был прост и добр в общении, внимателен и искреннен. Таким я запомнила его своим сердцем. Таким запечатлела его, Бог даст на долгие времена, моя видеокамера, подарив почти два часа незабываемых воспоминаний этого великого, скромного, мудрого, НЕ ОТ МИРА СЕГО Человека!

**Рассказ Митрополита Лавра
во время Рождественской трапезы.**

Св.-Троицкий монастырь, Джорданвилль, США.

7 января 2004 года

Когда я уже закончила работу над расшифровкой полной записи интервью с Владыкой Лавром, я приступила к работе над фильмом и обнаружила среди 12 часов плёнки, снятых в монастыре, запись приведённого ниже рассказа Владыки Лавра. По заведённому монастырскому порядку я обедала на женской стороне трапезной, поэтому меня не было во время записи этих воспоминаний Владыки, решившего поделиться своими историями военных лет. Рассказ его был спонтанным, никто не ожидал, что Владыка Лавр начнёт делиться своими воспоминаниями о далёком военном детстве прямо за обедом, на мужской половине трапезной монастыря... Я была на женской стороне и, к сожалению, ничего не слышала из-за шума большого количества паломников, обедавших в Джорданвилле в этот Рождественский день. Однако оператор моего фильма, деливший трапезу с братией монастыря и семинаристами, увидев, что Владыка Лавр начал рассказывать, не растерялся, подхватил тяжёлую камеру и без штатива, продолжая сидеть на монастырской лавке у обеденного стола, записал этот замечательный рассказ.

Прослушав его спустя почти 15 лет, я поняла, что он является прекрасным дополнением к беседе с Владыкой Лавром, записанной мною в тот же день несколько часов спустя.

КАК ЭТО БЫЛО

...Когда после праздничной Рождественской службы вся монастырская братия, семинаристы, многочисленные гости и паломники Джорданвилльского монастыря направились под звон колоколов из Троицкого храма в трапезную, их там ждал по-монастырски скромный, но сытный и вкусно приготовленный обед. После общей молитвы все заняли свои места за длинными столами, согласно давно заведённому порядку. По правую сторону трапезной сидели братья монахи, и во главе этого деревянного стола было место Митрополита Лавра.

Проведя в монастыре три дня, я ни разу не видела, – и это подтвердил мой оператор, который все эти рождественские дни делил трапезу с братией монастыря, – чтобы Митрополиту Лавру приносили какие-то блюда отдельно. В его тарелке было то же

самое, что и в моей, и в тарелке оператора и всех монахов, семинаристов, послушников и посетителей Джорданвилля.

7 января 2004 года, согласно видеозаписи на моей кассете, Владыка Лавр, отведав супа, не дожидаясь, пока все закончат есть, не требуя к себе никакого особого внимания, не смущаясь тем фактом, что большинство присутствующих в трапезной продолжали обедать, – начал своё повествование просто и безо всяких объявлений. Кто хотел – мог послушать, кто ел – продолжал есть. Мне как человеку обычному даже сейчас хочется возмутиться и сказать: перестаньте все есть, Владыка же такие интересные вещи рассказывает... Но – это моя личная реакция, а Владыка Лавр как человек не от мира сего, ничем не смущавшийся и ничего не требующий, с юмором, так свойственным ему, несмотря на шум в трапезной, рассказывал о непростом военном времени, в котором печатному братству, покинувшему Ладомирово, надо было выжить и сохранить себя.

Очевидно, Владыка Лавр начал говорить до того, как оператор включил камеру, так что мои записи начинаются как бы на полуфразе Владыки. Но сказанное им столь ясно, что даже с середины фразы понятен её смысл. Интересно, что отвечая позже на мой вопрос в интервью о значении патриотизма, Владыка Лавр повторил свою мысль. Вот его дословный рассказ:

“... По вере таким образом русский народ исправится, конечно, если будет жить по заповедям Божьим; как Владыка Виталий говорил: если будет жить по заповедям святого равноапостольного Владимира. И тогда и русский народ и весь мир встанет на путь исправления и обращения к Богу!”

В этот момент Владыка Лавр задумывается, как будто перелистывая архивы своей памяти, и продолжает, вспоминая жизнь в Ладомирово:

“Мы сейчас стараемся петь по уставам и канонам. Раньше у нас там на Карпатах в Ладомирово не было такой возможности. Никто не знал, некому было нас научить. Пели простым пением.

У нас там на Карпатах в 1942-43 годах приехал о. Антоний (Медведев), будущий Владыка Епископ Сан-Францисский. Сначала он был в Австралии, а потом в Сан-Франциско. Так Владыка Антоний, когда он приехал к нам в Ладомирово, стал прививать нам знания. У нас не было пения на два клироса. В Сербии всегда пели на два клироса. В Сербии если два человека на клиросе, то поют на два клироса: один на правом, другой на левом.”

Владыка Лавр добродушно улыбнулся, вспоминая бедное, непростое, но дорогое его сердцу монастырское детство.

“...А у нас всегда стихи надо вычитывать, вот и стали заводить, чтобы было пение на два клироса. В 1943 году о. Антоний старался, чтобы мы так пели, и постепенно это установилось. Затем уже в Братиславе в 1944 году, мы были уже в дороге, потому что уходили от приближающегося коммунистического фронта. Большевики уже наступали, были недалеко. Потом они пошли дальше на Словакию и потом к центру Европы, в Венгрию. Мы в это время отступали вглубь страны, в Словакию, в Братиславу и там были уже во время праздников св. Владимира, Преображения Господня и до 5 января 1945 года. Пятого января ночью мы погрузились на поезд и направились на запад через Прагу и Дрезден, с Дрездена в Берлин. В Германии остались на один месяц. Дальше приехали к Великому Посту в Боварию. И вот на Пасху, в первые дни Пасхи, пришли так называемые освободительные западные войска: американские и французские. Американские через два или три дня ушли, и туда пришли французы, которые давали, как говорят, перцу всем, особенно бедным семьям немецким. Всё перерывали, искали разные данные: “где муж? почему он на войне?” и так далее. Даже к нам обращались немецкие семьи, чтобы мы за них заступились перед французами. У нас был Архимандрит Киприан, в то время иеромонах Киприан. Он говорил по-французски, он с ними объяснился, немножко их смягчил.

...Война закончилась и мы направились в Швейцарию, прожили в Швейцарии почти два года и там старались подать на визы в Соединённые Штаты, наконец – к концу 1946 года – получили разрешение, приехали сюда.

Здесь существовал дом через дорогу, где теперь живут наши семинаристы, и с правой стороны была пристройка, там был Владыка Киприан, а с левой стороны по направлению к лесу было все необитаемое. Поселились. Там же была часовенька. Первая комната, которая с правой стороны как заходить, – это был алтарь и дальше коридор и комната другая, где наши семинаристы занимаются сейчас... тогда там была часовня, там мы молились на Рождество 1946 года, в 1947 году там молились, и в 48-м в начале, а в 1949 мы уже начали молиться здесь, в нижнем храме. За лето 47-го и 48-го годов достроили храмы здесь...”

Владыка Лавр остановился, перевёл дух, и как будто отвечая на вопрос невидимого собеседника, пояснил зачем он так подробно вспоминал все детали расположения комнат в монастыре много лет назад:

“Вот что я хочу сказать. В 49-м году мы праздновали Рождество в нижнем храме. Владыка Виталий приехал из Нью-Йорка на вечерню и на утреню. Поём. Подошли к 9 песне и закончили на ней. Выходит Владыка Виталий и сам поёт, надо же было нас чему-то учить... Он помнил из учёбы в Казанской Академии и мог сам пропеть, но записать ноты не мог, и тогда он обратился к Владыке Иерониму, Архиепископу Детройтскому, который был начальником Духовной миссии в Иерусалиме, и он помог нам. Потом мы получили ноты для крещенского светильна, и так постепенно наше пение улучшилось.”

Трапеза подходила к концу, было видно, что Владыка Лавр погрузился в воспоминания тех далёких послевоенных лет, когда Ладомировская братия только прибыла в лесные полудикие края Джорданвилля... Они пересекли полмира, чтобы соединиться с небольшой группой монахов Троицкого монастыря и, преодолевая все трудности, – строить совместно свой духовный дом на чужбине.

Словно объясняя кому-то важность рассказанного, Владыка Лавр пояснил:

“...Историю нашего монастырского пения вспомнил. Владыка Архиепископ Иероним прислал нам ноты, по которым мы поём.”

И тут же добавил обыденно, словно стряхнув с себя нахлынувшие на него воспоминания:

“Сейчас у нас праздничное расписание, а завтра, если Господь благословит, праздничная служба в 9 часов утра...”

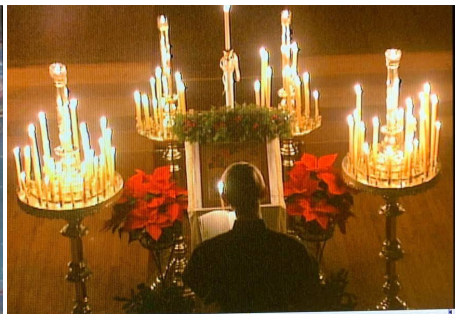
Резко прозвенел колокольчик, оповестивший окончание трапезы. Все поднялись и хором пропели “Рождество Твое, Христе Боже наш!” По окончании молитвы, под приветствие братии и семинаристов, исполнивших “Ис полла эти деспота”, Митрополит Лавр, осеняя всех присутствующих крестным знамением, покинул трапезную и направился в приемные покои, где через 15 минут снова собрались все, кто был в Рождественское утро в храме...

Глядя на эти кадры столько лет спустя и слушая доныне не известный мне рассказ Владыки Лавра в трапезной монастыря, я по-хорошему завидую себе той пятнадцать лет назад, ведь впереди у меня волшебные два часа воспоминаний Митрополита Лавра о судьбе его и тех, кто в полном смысле слова заменил ему семью – Ладомировской братии...

Может, кому-то этот небольшой рассказ покажется не очень необходимым дополнением, но для меня и, уверена, для всех, кому дорога память Митрополита Лавра, – любая возможность услышать Владыку, прочитать его воспоминания – радость. Сам Владыка Лавр, судя по кадрам на моей плёнке, не требовал никакого особого внимания к своим воспоминаниям о войне. Он просто делился со всеми, кто тогда, за рождественским обедом 2004 года, был готов их слушать.

И сейчас тем ценнее эти воспоминания, что они были вызваны памятью его души и рассказаны просто и искренне, как если бы в трапезной было не полсотни человек, а один добрый давний знакомый, понимающий какой долгий путь прошли Ладомировские братья, участь всему заново на американской земле: английскому языку, новым законам, обычаям и даже церковному пению.

От автора

о судьбе проекта “РОЖДЕННЫЕ РУССКИМИ”

Судьба этого фильма сложилась необычно. Закончив съёмки в 2004 году, я долго не могла приступить к работе над сценарием и монтажом, в силу финансовых проблем.

Вот уже 18 лет я в одиночку, бесплатно снимаю и монтирую фильмы об истории Русской Зарубежной общины и Русской Православной Церкви Заграницей. Снято девять стран и более 300 человек, среди них священство и миряне-подвижники, потомки Белой эмиграции и Белого Освободительного Движения. Все серии этого многочасового сериала уже отсняты и находятся в работе. Некоторые фильмы уже смонтированы, в том числе два фильма о святом Иоанне Шанхайском. Просмотр всех фильмов и телепередач о сериале бесплатный:

www.youtube.com/user/rootsfilmtv

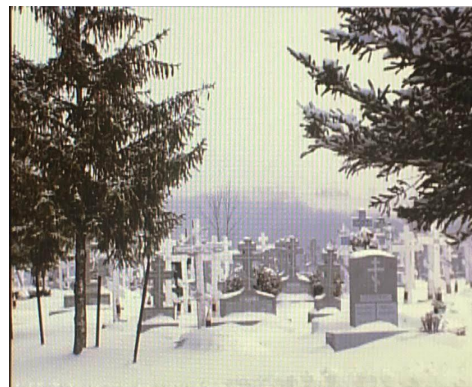
У фильма “РОЖДЕСТВО С ВЛАДЫКОЙ ЛАВРОМ” особая судьба. Думаю, не только отсутствие финансовых средств не позволило мне приступить к работе над этой давней съёмкой... Время работало в данном случае не против фильма, а на него, и чем дальше шли годы, тем острее и важнее оказывались сказанные в этом фильме и в беседе с

Владыкой Лавром слова. Очевидно, так должно было быть. Отступив на 15 лет от момента записи этих кадров, я увидела их полный смысл. Повзрослела я. Поменялась Россия. Изменилось общество, и опаснее стал мир, в котором мы живём. Спасибо Богу за возможность

сохранить через все испытания, выпавшие

на мою долю, эту уникальную плёнку. Спасибо Господу за возможность записать и сохранить весь мой архив, состоящий сегодня из более 700 часов воспоминаний ушедшего навсегда поколения создателей Русской Православной Церкви Заграницей.

Во время работы над фильмом и этой брошюрой скончались
друзья детства Митрополита Лавра:

Лев Иванович Павлинец

Михаил Михайлович Заречняк

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ ВСЕМ ПОДВИЖНИКАМ!

БЛАГОДАРИЮ ЗА ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ ЭТОЙ БРОШЮРЫ:

Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ)
Митрополита Илариона (Капрала)

Настоятеля Свято-Иоанно-Предтеченского собора в Вашингтоне
протоиерея Виктора Потапова

Настоятеля прихода Новой Коренной Пустыни иерея Георгия Темидиса

Профессора русского языка и литературы
Алексея Евгеньевича Климова

Особая благодарность за кропотливую редакторскую работу над этой и многими другими моими публикациями и фильмами, за бескорыстную многолетнюю поддержку мамушке Елизавете Темидис

